

Парфёнов М. С., Женья Крич, Елена Шетинина, Анатолий Уманский,
Александр Подольский, Денис Арсеньев, Сергей Буридамов,
Наталья Алфёрова, Олег Кожин, Дмитрий Костюкевич,
Максим Кабир, Александр Матюхин, Дарья Бобылёва, Ольга Рэйн,
Майк Гелприн, Ярослав Землянухин, Михаил Павлов, Игорь Кром

**ЛУЧШИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ
В ЖАНРЕ ХОРРОРА ПО ВЕРСИИ
ЧИТАТЕЛЕЙ**

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА
2017

Самая страшная книга

Александр Матюхин

**Самая страшная
книга 2017 (сборник)**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А. А.

Самая страшная книга 2017 (сборник) / А. А. Матюхин —
«АСТ», 2016 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-100099-8

Здесь пугают. Из года в год серия «Самая страшная книга» собирает на своих страницах лучший хоррор на русском языке. Страхи разных эпох и народов. До боли знакомые кошмары и твари из Неведомого, порождения буйной фантазии уже хорошо известных авторов (Майк Гелприн, Дарья Бобылева, Олег Кожин...) и талантливых дебютантов (Женя Крич, Ольга Рэйн, Анатолий Уманский...). Пугают так, что мало не покажется, на любой вкус: до мурашек по коже; до волос, шевелящихся на затылке; до дрожи в пальцах. До ужаса. На страницах «Самой страшной книги 2017» каждый найдет свой страх, ведь ее создавали такие же читатели, как и вы. И даже больше. Теперь в главной хоррор-антологии страны представлены и лучшие рассказы крупнейшего жанрового конкурса «Чертова дюжина». Здесь пугают. И только одного можно не бояться: того, что страшно – не будет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-100099-8

© Матюхин А. А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Здесь пугают	6
Парфенов М. С	7
Женя Крич	16
Елена Щетинина	23
Анатолий Уманский	45
Александр Подольский	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Самая страшная книга 2017

Сборник рассказов

Серия «Самая страшная книга»

© Авторы, текст, 2016

© М. С. Парфенов, составление, 2016

© Ависс Вейльски, обложка, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Здесь пугают

– О'кей, Гугл. Где почитать что-нибудь страшное?..

К сожалению для нас, поклонников литературы ужасов, найти стоящий хоррор сейчас нелегко. Жанровые книги в магазинах прячут, как правило, в разделах «фантастика», «детектив», «триллер», «современная проза». Раздела «ужасы» не существует, либо он оккупирован Стивеном Кингом и мармеладными лавстори про вампиров. Не хватает дорожного указателя с надписью «Здесь пугают. 666 км» или чего-то подобного.

Но мы с вами уже проложили тропинку для русского хоррора, и это радует. Вытоптали дорожку, по которой уже четвертый год хаживают тысячи читателей и десятки писателей. Конец этой тропы теряется где-то в туманной мгле, в черном лихолесье. Там, где поскрипывают ветви деревьев, где мрачно подвывает гуляющий среди стволов ветер, а временами с беззвездных небес свергаются кровавые ливни.

Многие, единожды ступив на эту дорогу, назад уже не вернутся. Кто сказал, что к хорошему привыкаешь? Привыкаешь к страшному!

Представьте дорогу, с которой нельзя свернуть. Один шаг – и всё, попался. И вроде бы рядом, в поле зрения – широкая трасса мейнстрима, на футуристических эстакадах не протолкнуться, выделенные под общественный транспорт полосы забиты маршрутными такси с вечно куда-то спешащими домохозяйками. По пешеходным дорожками, аки козлы, скачут фанаты фэнтези, среди которых встречаются изобретшие очередной велосипед постмодернисты. А ты идешь и идешь по своей тропе, словно в бреду, не в силах сойти, развернуться...

Жуть? Страшно?

Расскажите об этом Майку Гелприну – известному фантасту, однажды попробовавшему силы в хорроре, да так и оставшемуся с нами. Вот он, с несколькими подружками шествует (или шефствует?). Расскажите ему о том, что ужасы – низкий жанр. Или нет, лучше скажите это Дарье Бобылёвой, шагнувшей на кривую дорожку хоррора напрямик из «толстых» литературных журналов.

Скажите это им. Скажите это другим авторам, таким как Олег Кожин, Александр Матюхин, Максим Кабир, Игорь Кром, Елена Щетинина, Александр Подольский, Михаил Павлов.

Думаю, они с вами согласятся: и жуть, и страшно. Но это-то и хорошо!

Благодаря этим людям, равно как и многим другим (в частности, благодаря Владиславу Женеvскому – вечная ему память), в том числе и читателям, которые, как известно, напрямую участвуют в составлении ежегодных сборников «Самая страшная книга», узкая тропинка русского хоррора прямо на глазах расширяется, и, глядишь, уже скоро ее покроют асфальтом и разделят на полосы, превратив в новую современную магистраль. И поедут по ней многочисленные грузовики с романами, изящные персональные авто (чу! Первое такое уже промчалось, оставив за собой удивительно приятный «Запах») и семейные экипажи (семейки маньяков и ведьм вы уже видели).

Конечно, там по обочинам будут стоять указатели, а где-то и ограничения скорости («16+», «18+»). И предупреждения. Что-нибудь вроде:

«Здесь пугают. Пристегните ремни безопасности!»

Парфенов М. С Снежки

Из бабушкиной спальни доносится хриплый бубнеж старого радиоприемника – будто кто-то говорит через прижатую ко рту варежку. В квартире холодно: света нет, газа нет, ничего нет. Алёша в это время на кухне – в шерстяных носках, спортивных поверх рейтуз, толстом свитере, с обмотанным вокруг шеи шарфом – стоит на шатком табурете, прижавшись носом к заледенелому, расписанному морозом стеклу. Смотрит на улицу. За окном, тремя этажами ниже, на заснеженной площадке играют дети.

У него мерзнут пальцы, воздух вырывается изо рта облачками пара. Алёша хотел бы найти свои варежки, сунуть ноги в меховые сапожки и выскочить из дому во двор, чтобы бесконечно долго, до одури играть в догонялы, кататься с горки, лепить снеговиков. Но ему нельзя – бабушка не разрешает. Вот уже неделю твердит, что там, снаружи, все заболели, что надо подождать, пока приедут врачи и военные и всех вылечат. А сама то и дело кашляет и схаркивает в грязный платок красное.

Все его друзья-приятели – во дворе. Вадик, Костя, Антоха, Эдик толстый. А еще там Наташа из соседнего подъезда и Катька с пятого этажа.

Прошлым летом Алёша все время гонялся за Катькой, плевал ей на сандалии, пока однажды ее подруга не бросила в него камень, разбив лоб до крови. Он тогда не разреvelся только потому, что Наташа ему нравилась еще больше, чем Катька, и было бы ужасно стыдно распустить сопли у них на виду. Толстому, который сейчас стал уже совсем не толстый, Наташа тоже нравилась. Эдик сказал об этом месяц назад, по секрету. И вот эти двое, Наташа и толстый-нетолстый, – они там, во дворе, вместе с другими, а ему, Алёше, приходится сидеть дома и тосковать у окна.

Он следит за Наташей. Девочка стоит по колено в снегу на дальнем краю площадки, в розовой курточке. На плечах у нее иней. Раньше у Наташи были красивые вьющиеся волосы, а теперь торчат из-под шапки, как солома, и тоже покрыты инеем.

Она медленно нагибается, вытягивает руку и набирает в пригоршню коричневатый снег. Снег теперь весь такой – с коричневым оттенком, иногда со следами чего-то алого. И люди тоже такие – грязные, заиндевелые, с темными лицами и красными ртами, как будто устроили пирушку с клубничным вареньем, да забыли умыться после этого.

Алёша сам уже неделю не моется – нечем. Воду, которой бабушка набрала полную ванную, прежде чем отключили свет и тепло, разрешено только пить. Еще можно раз в сутки сливать воду кружкой в унитаз, чтобы убрать нечистоты. Мыться нельзя – «экономия». Поэтому у Алёши что-нибудь где-нибудь постоянно зудит. А вот редкие прохожие на улице совсем не чешутся. Как и Наташа, как и другие дети. Они вообще нисколько не суетятся, никуда не спешат, все делают спокойно. Движения плавные, будто во сне.

Вот так же плавно, неторопливо Наташа выпрямляет спину, отводит назад кулачок с коричневым, точно из шоколада слепленным, снежком. Затем резко, как будто где-то внутри нее разжалась невидимая пружина, выпрямляет руку, и снаряд летит по короткой дуге, совсем недалеко, чтобы шлепнуться в сугроб на границе площадки, в стороне от других ребят.

– Не туда, – шепчет Алёша дрожащими губами, обращаясь через стекло к Наташе и остальным. – Кидать нужно друг в дружку, а не куда попало.

Эх, он бы вышел, он бы показал, как надо... Если бы не бабушка. Ну почему она не пускает его, почему? Ведь он же ребенок, ему нужно гулять! И он – здоровый, это они там, на улице, больные, это им нельзя играть! А если уж им можно, то ему тогда тем более. И эти

врачи, военные, о которых талдычит ба, где они все?.. Где мама, папа? Бросили, оставили его у вредной старой бабушки. Нечестно!

Алёша готов расплакаться от досады. В голове у него крутится стишок, который в прошлом году заучивали в школе: «Сижу за решеткой, в темнице сырой...» Он представляет себя героем этого стихотворения. Узник в студеной камере, завистливо глядящий на своих друзей в узкие бойницы каземата, пытающийся поймать лучики безнадежно далекого, тусклого солнца.

Скрипят половицы. Ба тяжелой походкой шуршит на кухню. Радио продолжает бубнить. Алёша не вслушивается, ему неинтересно. Там, на единственной станции, которую ловит никогда не выключающийся бабушкин приемник, круглые сутки повторяют одно и то же. Говорят непонятные слова: про эпидемию, вирусы, про какие-то куда-то выпадающие «остатки», зоновый слой, дыры, про чрез... ч-рез-вы-чайные меры. И еще то так, то эдак твердят слово «опасность». *Опасайтесь. Опасно. Следует опасаться.* Потенциально *опасные* контакты. *Опасность* заражения. Опасно, опасно, опасно... Все эти скучные, мрачные мужские голоса, голоса через варежку, они пытаются напугать Алёшу. Как уже давно до смерти перепугали ба. Послушав их, бабушка запретила ему выходить во двор. Подчиняясь их командам, внимая предупреждениям (*опасноопасноопасноопасно*), на два замка заперла входную дверь и запрятала куда-то ключи. Алёша устал слушать их. Алёша страшно зол на невидимых врунов, прикрывающих рты толстыми варежками, как будто от этого их враки станут правдою.

Бабушка громко, с хрипом кашляет. Алёша не обращает внимания, продолжает следить за вялыми играми своих приятелей через покрытое изморозью стекло. Ба ему надоела не меньше, чем радиоприемник. Она тоже постоянно говорит одни и те же слова, рассказывает одни и те же истории. Про то, как ей было тяжело, когда она была маленькой, во время войны. Про то, каким хорошим был дедушка, которого Алёша совсем не помнит. Про то, до чего он, Алёша, похож на своего папу, бабушкиного сына. Он знает наперед, может угадать, о чем ба будет говорить и что будет делать в следующую минуту. Это совсем несложно. Не сложнее, чем догадаться, куда она спрятала ключи от входной двери.

Вот сейчас бабушка кашляет и охает, наверняка хватаясь при этом рукой за грудь. Значит, у нее снова колет сердце. Значит, сейчас она станет искать таблетки и капли в аптечке рядом с хлебницей, снова будет жаловаться на холод. Но сначала отругает Алёшу за то, что тот вскарабкался с ногами на табурет. Пускай ругается, ему все равно.

– Кха-кха! Иисусе Христе, шо ж так холодно-то, прям до косточек пробирает... Ну, архаровец, куды залез-та? Слазий, слазий давай, а то ишо, не ровен час, выпадешь с окошка!

На улице толстый Эдик – уже нетолстый толстый Эдик – кидает снежок в сторону бездвижно, как столб, застывшего Вадима. Недолет, хотя Вадик буквально в двух шагах. Еще совсем недавно, этой осенью, они втроем бегали на пруд позади школы, совали в мутную, покрытую ряской воду руки, ловили пиявок, а потом отрывали их от своей кожи и били об камни, с восторгом и отвращением любуясь на остающиеся от гадин брызги. Одну, особенно упитанную, раздувшуюся пиявку Вадик придумал сунуть Катьке за шиворот, но Алёша и толстый отговорили его от этой идеи. Лучше найти дохлую кошку и запихнуть в портфель ей или Наташе, решили они тогда. А потом пришел Костик, принес из дома футбольный мяч, и всем стало вообще не до девочек.

– Ну чаво прилип-то, Лёшк?.. – Мозолистая ладонь ба ложится ему на плечо, тяжелая, с дряблой кожей, с пупырышками бледно-синих вен. От бабушки неприятно пахнет – грязью, потом и какашками. Как и Алёша, она тоже давно не мылась. У нее слабый, усталый голос, глухой и хриплый, как из радио: – Шо там тебе, медом намазано, шо ли?

– Почему им можно гулять, а мне нет? – спрашивает Алёша, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не заплакать, так сильно ему хочется выбежать к друзьям во двор. – Почему им

теперь можно гулять всегда, даже по ночам гулять можно, а мне и днем нельзя выйти, ба?! Почему?! – Он все-таки срывается на визг, на плач. Злой на себя и бабушку из-за всей этой несправедливости, сбрасывает ее руку с плеча, прыгает с табурета и, утирая горячие слезы, бежит из кухни к дверям. Но замирает у порога, вспомнив, что ключи остались у ба в комнате.

Очередной врун монотонно жует сквозь варежку: «...кризис-носит-глобальный-характер... внеочередная-ассамблея-оон... еще-раз-предостерегаем... соблюдайте... будьте... опасно». А в голове у Алёши звучит совсем другой, тоненький девчачий, голосок. Это Наташа зовет его. Он не знает как, но ей удастся, оставаясь на улице, шептать ему на ухо: *Дуй к нам, Алёшка! Беги к ней в спальню, вытащи ключи, быстро, быстро, она старая, она не успеет! Забирай ключи и беги сюда!*

Алёша стоит на месте, словно окаменев. Что делать? То ли назад, на кухню к ба возвращаться, то ли и правда в спальню рвануть. Кого слушать? Наташа шепчет, зовет, а приемник бубнит свое про опасность, про то, что ни в коем случае нельзя покидать дома и квартиры, что «помощь скоро прибудет». По радио крутят эти враки всю неделю, одна только старая глупая ба еще верит им. Но с другой стороны...

Выходи, Алёшка! Поиграем! Построим самую большую снежную крепость на свете! Вадик, Антоха и Катька начнут ее осаждать, а мы вместе с Эдиком – держать оборону.

Всего-то дел – забежать, вытащить быстренько связку ключей из-под матраца и – прочь из дома. Можно даже куртку не надевать, свитер и шарф такие толстые, что будет совсем не холодно.

...Но Алёша помнит, что видел в окно раньше. В те, первые, дни. Не хочет, но помнит страшные крики, доносившиеся с улицы. И у него до сих пор перед глазами то, что Вадим, Антоха, Наташа, и Катя, и толстый, тогда еще толстый, Эдик сделали с Костей. Из-за чего Костик теперь не может ходить, а просто сидит на горке.

«Опасность», – сипит радио. Это единственное, чему Алёша готов верить. Пока еще не забыл, отчего светлая куртка Наташи порозовела.

Зато Костик здесь, с нами! – сердито шипит девчонка у него в голове. – И ты тоже мог бы с нами играть. С утра до вечера и даже дольше веселиться тут, а не торчать дома со своей вонючей старухой.

Давай к нам, Лёшик! – кричат Вадик и Катя.

Айда гулять! – вторят им Эдик с Антоном.

Не бойся, амиго, – а это уже сам Костя. Ухмыляется, по-царски восседая на вершине горки, весело болтыхает в воздухе тем немногим, что осталось от его ног. – Помнишь тех жирных пиявок? Также казалось страшно, противно! А крови-то сколько было – помнишь? А ведь ни чуточки не больно оказалось, амиго! Так, слегка пощипало кожу, и все... Тут точно так же! Я ведь для виду орал, когда они меня грызли, Наташка и остальные. Ну, как в тот раз, когда мы девчонок пугали, изображая привидений. Компренде, амиго?.. Выходи! Сыграем с тобой в царя горы.

Костя широко улыбается большим и красным, как у клоуна в цирке, ртом.

Выходи... и займи мое место.

И Алёша готов послушать Костю и остальных. Они же его друзья! Его и самого тянет туда, к ним, наружу. Тянет со страшной силой. Он еще никогда так долго не пропадал дома. Тем более что сейчас, без света, без телевизора, без мамы и папы, с одной только ба ужасно скучно.

Ба...

Бабушка.

– Лешенька... – слабый, жалобный голос с кухни. – Внучек, ты хде?

Одна часть Алёши советует ему не обращать на ее стоны внимания, а торопиться во двор, чтобы лепить снеговиков вместе с Наташей и остальными. Другая же его часть говорит, что бабушке плохо.

Алёша заглядывает в дверной проем, ведущий на кухню. Ба сидит на табурете, привалившись спиной к подоконнику. Большая, как бегемот. Три года назад, когда Алёша был еще совсем маленький и не ходил в школу, родители отвезли его в зоопарк. Там в маленькой, тесной для нее клетке стояла огромная, вся какая-то круглая, похожая на большой воздушный шар бегемотиха. Одна-одинешенька, опираясь на короткие толстые ножки, смотрела из-за ограды печальными глазами и дышала так тяжело, как будто вслух сожалела о своей нелегкой бегемотской доле. Смотреть на нее было противно, жалко. Точно так же ему жалко и противно смотреть сейчас на бабушку.

Он никогда ее не любил так сильно, как маму или папу. Она ему никогда даже не нравилась хотя бы так, как Катька или Наташа. На самом деле – и это Алёша сейчас особенно ясно чувствует и понимает – ему всегда было ее просто жаль. И только поэтому он терпел ее слюнявые поцелуи, после которых приходилось оттирать щеки, терпел потные объятия, в которых чувствовал себя так, будто его душили подушками сразу со всех сторон. Мама с папой часто отправляли Алёшу на каникулы к ба, но сами у нее гостили редко... Всё, что осталось у бабушки теперь, – это он.

А у него теперь нет никого, кроме ба. Внезапно и неожиданно остро осознав это, Алёша бежит к ней и, распахнув руки, падает, прижимается к бегемотскому животу, ныряет носом в мягкие складки халатов, которых бабушка, спасаясь от холода, нацепила на себя сразу то ли три, то ли четыре штуки.

– Ну шо ты, Лешенька... шо такое, внучек... – Ее сиплый голос дрожит. Дрожат и ладони, когда она гладит его по голове, по плечам – он чувствует эту дрожь, Алёшу и самого мелко трясет.

– Ба, – всхлипывает он. – Они зовут меня, ба...

– Хтой-то? Кто тебя зовет?

– Ребята... – хнычет Алёша, не отрывая лица от толстого брюха. Теперь его собственный голос звучит глухо, почти как голоса врунов с радио. Но он не может, он боится поднять голову и посмотреть ба в глаза. Боится, что, взглянув на него, она поймет, что еще совсем недавно, еще минуту тому назад он почти уже готов был ее предать, бросить. – Они зовут меня гулять, ба... В снежки...

Все ее большое, необъятное тело содрогается. Будто землетрясение прокатилось по горным склонам. Бабушка издает громкий то ли стон, то ли вздох, обхватывает Алёшу за плечи, прижимается к его щеке своей, и он чувствует мокрое, что ручейками течет у нее по морщинам.

– Это кажется, внучек, – говорит она. Алёша слышит, как гулко, неровно стучит больное старое сердце, как хрипит у ба в легких. – Тебе просто кажется...

– Да?..

– Да, Лешенька. Не могут они тебя звать, – тихонько плачет бабушка. – Понимаешь, они ведь уж как бы и не они. Не живые... не мертвые.

– Злые, ба?..

– Да и не злые, пожалуй шта... Просто не люди ужо. Ну да ничего, – снова вздыхает она и громко, с хлопом, тянет носом. – Прорвемси, Лёшк... Фашистов в оккупацию перетерпели – и этих... переживем. Лёшк, ты ж, наверное, кушать хочешь, а, Лёшк?..

Он совсем не думает о еде, но кивает просто для того, чтобы порадовать бабушку. Он знает – все бабушки любят кормить своих внуков, и его ба не исключение. Алёша выскальзывает из ее теплых мягких объятий, делает шаг в сторону, чтобы та могла подняться. Пока бабушка шаркающей походкой идет к кладовке за консервами, мальчик снова невольно при-

липает взглядом к стеклу. Его друзья все еще там. Бродят бесцельно по площадке, оставляя в коричнево-буром снегу широкие борозды.

«Как же так? – снова одолевают Алёшу сомнения. – Как же они не живые, если в снежки играют? Или они только притворяются живыми?..»

Внезапно его накрывает тень. Грохочет, стучая дном по столу, консервная банка. Бабушка придвигается мимо Алёши к окну, трясущимися руками отбрасывает в сторону желтоватый тюль, с шумом и лязгом поднимает щеколду. Трещит ледяная корка, дребезжит стекло – ба распахивает окно, пуская в комнату поток морозного воздуха, сама высовывает непокрытую голову наружу, сипло кричит во двор:

– Прочь! Прочь пошли, нехристи окаянныя! Оставьте в покое! Неча вам тут делать, среди живых!

Те, внизу, никак не реагируют на ее ор. Наташа кидает очередной снежок в кусты. Вадим нагибается к сугробу. Катька идет, как шла, из одного угла площадки к другому. Эдик стоит без движения, Антоха сидит на качелях, а Костя продолжает медленно покачивать культиями. Под ним, на скате горки, поблескивает заledenевшая кровь.

– Вот видишь, внучек, – оборачивается ба. – Не слышат они нас. И говорить не могут, и позвать никого никуда не способны. Нелюдь они, больше никто. – Она прикрывает ставни, двигает все еще дрожащей рукой в его сторону открытую банку. Там, в мутной, похожей на слизь жиже, плавают несколько бледных килек. – Кушай, Лёшенька, кушай, внучек. А я... – бабушка наклоняется к аптечке, – валидолчику возьму, а то штой-то сердце сегодня шибко колет...

Она находит початую пачку, выдавливая из нее таблетку и кладет под язык. Алёша, притихший, молча сидит за столом, ковыряя грязной вилкой в банке. Килька нехорошо пахнет, и он не испытывает даже мало-мальского желания ее есть. Запах из банки похож на тот, что ворвался на кухню вместе с холодным воздухом, когда бабушка открыла окно. И еще он похож на то, как пахнет от самой ба, на тот едва уловимый, терпкий смрад, что поднимается из глубоких складок у нее между грудями и животом и от подмышек. Алёшу отчего-то пугает эта вонь.

– Пойду прилягу, – говорит ба. – Холодно-то как, божечки ж ты мой... Кха-кха! – И, держась левой рукой за грудь, а правой опираясь о стену, шаркает к себе в комнату. – Сталина на вас нет, – слышит Алёша, как ругает она вполголоса радио.

Это вызывает у него улыбку. Вспоминается мама, как та ворчала, если бабушка говорила что-нибудь о Сталине. Он не понимал почему, но маму такие разговоры всегда очень злили. В ее глазах этот непонятный Алёше человек, Сталин, был кем-то ужасным. «Все мечтает о твердой руке, старая кошелка», – сказала однажды ма, а папа расхохотался в ответ: «А может, и не о руке вовсе!»

Алёша надеется, что с ними все в порядке, с его родителями. Там, куда они каждый год летают в отпуск, в месте под названием Тайлан, очень тепло. Там всегда светит солнце. Там вообще никогда не бывает зимы, а значит, не могло быть и этого неправильного, коричневого, снега. Обычно ма звонила каждый вечер на домашний телефон. Поговорив с ней, бабушка передавала трубку Алёше, и он долго слушал рассказы мамы про пляжи с золотистым песком, пальмы и море. В конце разговора трубку брал папа, чтобы пожелать ему спокойной ночи и сказать, как они его любят. Когда-нибудь, знает Алёша, уже совсем скоро, когда он станет старше на год или, может быть, на два, мама и папа начнут брать его с собой в эту сказочную страну, и тогда он своими глазами сможет увидеть все то, о чем говорила ма.

Звонков не было уже давно, но бабушка объяснила ему, что это из-за проблем со связью. Мама с папой обязательно вернутся, «обязатенно-обязатенно», обещала ба. Очень скоро они прилетят, с врачами, военными, и тогда все станет по-старому, хорошо, как прежде. Так все и будет.

Но пока он сидит один за кухонным столом, изо рта вырывается облачками пар. И его снова манит оконное стекло. Отодвинув консервы, к которым так и не притронулся, Алёша встает. Пол холодный, ледяной, он чувствует этот лед через носки. Алёша подходит к окну, заглядывает в него. На улице темнеет, мороз схватил стекло крепче прежнего, покрыл плотным, словно сотканным из снежинок узором. Алёша дышит на него, трет подмерзшую поверхность концом шарфа, но это не сильно помогает. Стекло остается мутным, как будто смотришь через стакан с водой. Там, на бело-коричневом, все еще угадываются фигурки ребят. В глаза бросается розовое пятно Наташиной курточки, ее желтые волосы. В расплывчатой глади она видится ему яркой большеглазой принцессой из японских мультфильмов. Сгущается тьма. Тихо подвывает ветер. Живые, мертвые ли, его друзья будут играть во дворе всю ночь, пока Алёша спит, и наутро, когда он вернется к своему наблюдательному пункту, то снова увидит, как они кидают куда попало коричневые снежки.

Холод и темнота окутывают мальчика, его начинает клонить в сон, где он снова слышит голоса друзей. Ребята звонко хохочут и зовут его погулять.

В спальне у бабушки что-то с грохотом падает на пол. Что-то большое. Алёша, придремав было, подпрыгивает на месте. Испуганно озирается по сторонам, но спросонок мало что может разобрать в заполнивших помещение сумерках. Снаружи уж выкатила на небо луна. Ее серебристый свет, преломляясь в морозной мозаике оконных стекол, разметал по кухне десятки причудливых теней. Алёша часто, прерывисто дышит и чувствует, как под толстым свитером в груди колотится, трепещет от страха маленький комочек его детского сердца.

Радио молчит.

Почему-то это пугает Алёшу больше, чем что бы то ни было еще, больше, чем темнота и разбудивший его шум. Все эти дни приемник в бабушкиной комнате не замолкал ни на минуту, раз за разом повторяя одно и то же: «Опасно, опасно, опасно, опасно» – сейчас это слово звучит лишь в голове у Алёши, и от этого ему ужасно не по себе. Он был бы счастлив услышать что угодно, любой знакомый звук, пусть даже храп или тяжелый, болезненный кашель ба, но квартиру наполняют только холод и пронзительная, напряженная тишина.

«Опасно. Что-то случилось. Опасно!»

Лучше б ты вышел поиграть с нами, Алёшка, – ласково шепчут ему на ухо Катька, Наташа и остальные. – Лучше б ты вышел, когда тебя звали.

Он старается не слушать их. Боязливо крадется через узкий проход в коридор и к бабушкиной комнате. Пытаясь заглушить голоса в голове, тихо повторяет:

– Сижу за решеткой, в темнице сырой... Сижу за решеткой, в темнице сырой...

Скрипит дверь в спальню. Здесь света еще меньше, чем на кухне, но глаза Алёши уже привыкли к полумраку. Он застывает на пороге, обмерев при виде открывшегося зрелища.

Посреди комнаты на полу лежит ба, на спине, упершись плечом в угол кровати. Ноги в толстых колготах разметаны, халаты распахнуты, левая грудь, большая и бледная, покрытая морщинами титька, вывалилась наружу и свисает набок, напоминая одновременно спущенный мячик и сдутую боксерскую грушу. Глаза бабушки закрыты, кожа белая, по щекам растекаются серые пятна, из тонкой щелочки рта тянется вниз блестящая нить слюны.

– ...в темнице сырой. Ба-а?..

Бабушка выглядит как большая игрушка, плюшевый бегемот с встроенным механизмом, в котором что-то сломалось.

«Она умерла?» – вспыхивает в голове у Алёши страшный, ужасный вопрос.

Ее левая рука, чуть согнутая в локте, протянута по полу в сторону коридора, кончики скрюченных пальцев едва заметно дрожат. Рядом, у стены, валяется разбитое радио, а среди осколков белой пластмассы Алёша видит пузырек с бабушкиными каплями от сердца – колпачок слетел, вокруг растеклась небольшая лужа. Едкий запах валокордина смешался с вонью, как от консервной банки, только более противной, терпкой.

«Не умерла... умирает».

– Ба! – зовет он шепотом.

– Ши-щас-с, внучк... – сипит бабушка еле слышно, практически не шевеля губами. – Шищ-щас я немног... отдохну... полжу... вста-а-а...

Алёша начинает понимать, что произошло. Ба, видимо, стало плохо. Она хотела принять свои капли, встала с кровати, но не удержалась, упала, зацепив при этом провод от радио и выронив пузырек с лекарством.

Его дыхание в темноте клубится сизым дымком. А ба дышит еле-еле, так слабо, что пар из черной беззубой щели поднимается едва заметным туманом.

– Ба, не умирай, – хнычет Алёша, упав перед ней на коленки. – Не умирай, пожалуйста, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, ба!

– Ну шо ты, роденький, шо ты... А-А-А-а-а-а... – издает бабушка протяжный нутряной стон и замолкает. Бегемотская туша содрогается. Слюна перестает течь изо рта. В темноте Алёша пытается уловить звук, приметить дыхание ба, но тщетно.

А потом ее рука вцепляется в бедро Алёши.

Крепко, жестко. Искривленные пальцы, как когти, вонзаются в его плоть сквозь штаны и рейтузы. От боли и испуга он пронзительно вскрикивает. Ба поворачивает голову, позвонки хрустят, поворачивает голову и смотрит на Алёшу сверкающими бельмами, в которых не видно зрачков.

– Ба, что с тобой, ба! – верещит он, не помня себя от ужаса. Чувствуя, как по ногам струится горячая жидкость: описался, стыдно, страшно, описался!

Бабушка грузно переворачивается на бок, тянет вторую руку, чтобы схватить его. Рот ее широко раскрывается, как пасть у змеи, которую он когда-то видел в документальном кино на канале «Дискавери». И, словно та гадюка, бабушка шипит.

В панике Алёша дергается назад, уворачиваясь от когтистой лапы. Из всех сил брыкает ногами, пытаясь вырваться из мертвой хватки. «Бежать, бежать, бежать, *ОПАСНО!*» – вопит все его существо. А бабушка, продолжая издавать угрожающее шипение, уже опирается на локти и колени, уже поднимается, тянет к нему белое с серыми пятнами на щеках и бездонной пещерой рта лицо. Вытаращенные, лишённые зрачков глаза гипнотизируют. С трудом оторвав от них взгляд, мальчик перекачивается на живот и быстро, как может, выползает из комнаты. В мякоть ладони больно вонзается острый осколок разбитого корпуса радио. Бежать, бежать! Алёша подскакивает, цепляет стопой порог, но все-таки вываливается в коридор, прыгает к двери... Закрыто! Дурак, ведь ключи-то У НЕЕ В СПАЛЬНЕ, дурак, дурак, ДУРАК!

Трясаясь от ужаса, с мокрыми штанами, в слезах и соплях, он смотрит назад. Перед глазами все плывет, растекается. В узком пространстве дверного проема стоит, чуть заметно раскачиваясь, жирный и жуткий Бегемот. Терпеливо поджидает «внучека». Голая титька все еще торчит из халата, повиснув на толстом, выпирающем вперед брюхе. Широкий плоский сосок таращится на Алёшу, будто огромный серый глаз. Ничего более неправильного, ничего более пугающего он в жизни не видел.

– Сижу за решеткой, в темнице сырой... сижу за решеткой, в темнице... – скороговоркой повторяет Алёша, вжимаясь спиной, до боли в лопатках, в коридорный угол. Ба медленно шагает ему навстречу, раскрывая холодные мертвые объятия.

Последний шанс! С истошным воплем он кидается вперед. Вжимает голову в плечи и, зажмурившись, проскакивает у бабушки под мышкой. Кровать! Подушка! Матрац! Ключи!..

Вдруг его горло обвивает тугая колючая змея. Шею пронзает мгновенная боль, звенит под ногой стеклянный пузырек. Алёша на мгновение подлетает вверх – так, что ступни отрываются от пола и взмывают на уровень лица. А затем он всем телом тяжело падает, ударяясь спиной об пол. Толстый шерстяной свитер смягчает приземление, но все равно из

груди разом выходит весь воздух, в голове звенит, перед глазами мелькают белые искорки. Как выброшенная на берег рыба, Алёша беззвучно хлопает ртом, пытаясь вдохнуть хоть капельку кислорода.

Отпустив длинный конец шарфа, бабушка склоняется над Алёшей, грозя раздавить ему ноги своей необъятной тушей. Он чувствует запах – от ба воняет тухлыми консервами. Морщинистое лицо все ближе, ближе... Бабушка словно желает подарить любимому внуку один из тех влажных, противных поцелуев, после которых потом приходится так долго оттирать щеки... Только на этот раз ба целует его не в щеку – огромный холодный рот накрывает целиком губы и нос. Влажный и липкий, как пиявка, язык ползет по коже, проталкивается в ноздрю... Алёша задыхается от ужаса и отвращения. Безотчетно шаря по полу, нащупывает что-то твердое, хватает, сжимает слабеющими пальцами. Радио!

Не соображая, что делает, Алёша бьет приемником оседлавшее его чудище по голове, в висок. От удара ба прерывает свои омерзительные ласки, ее губы и язык с мягким чавкающим звуком отлепляются от лица внука. Алёше удается вдохнуть. Это придает ему сил, и он снова бьет старуху, еще и еще. Разломанный корпус «Лира-201» трещит, пластиковые щепки летят во все стороны, что-то черное брызжет у бабушки из ушей, носа и рта. Наконец она заваливается на бок рядом с Алёшей. Приемник выпадает у того из руки. Всем телом Алёша отползает от ба как можно дальше – до тех пор, пока не упирается в стенку.

Несколько минут лежит там, пытаясь отдышаться. Легким не хватает воздуха, горло дерет, Алёшу мутит от вони лекарств и бабушкиного трупa. Его выворачивает кислым желудочным соком на цветастый рисунок обоев.

Кажется, он несколько раз теряет сознание на долю секунды, чтобы тут же прийти в себя. Алёша не знает точно, обморок ли это. Прежде ему еще никогда не приходилось падать в обморок. Как будто проваливаешься в бездонную черную яму, а затем медленно, с большим трудом карабкаешься обратно на свет. Можно ли упасть, если уже валяешься?.. Можно ли подняться, оставаясь без движения?.. Он не понимает, ему сложно думать об этом, как и о чем-либо еще.

Потом к нему приходит понимание того, что он сделал. Что он натворил. Оно, это понимание, представляется ему в образе папы, обычно такого веселого и улыбчивого, но только не сейчас. Суровое лицо отца выплывает из темноты. Папа хмурит брови и говорит тем голосом, каким обычно отчитывал Алёшу, если тот приносил из школы дневник с тройкой, забывал почистить зубы перед ужином или небрежно заправлял постель поутру.

Ты убил ее, – говорит папа. – Ты убил свою бабушку, Алексей.

Огромное, тяжелое, в сто тысяч раз тяжелее, чем бегемотское тело ба, чувство вины обрушивается на и без того раздавленного, впавшего в смятение Алёшу.

– Я не хотел, – шепчет он в темноту. – Я не думал... не знал...

Бабушка лежит бесформенной кучей, а перед ней, ощерив зазубренные пластиковые клыки, валяется расколотый старый приемник. Из его нутра торчат медные проводки, с которых, как и с обломков корпуса, стекает темная вязкая кровь. Еще больше черной жижи натекло вокруг бабушкиной головы. Алёша замечает пучок седых волос и прилипшую к ним серую кожу, похожую на обрывок туалетной бумаги.

Видишь, что ты наделал.

Разве хорошие мальчики поступают так со своими бабушками? – это уже ма, ее лицо появляется рядом с отцовским, теперь они висят вдвоем под потолком, словно пара грустных воздушных шариков.

Алёша чувствует себя очень виноватым, но все равно счастлив видеть их обоих, хотя и понимает, что они – лишь плод его воображения. На самом деле мамы и папы здесь нет. Возможно, их уже *нигде* нет. Но ему не хочется думать об этом. Как и о бабушкином трупe.

Она ведь уже была мертвая... Или все-таки живая? Алёша окончательно запутался. Ба умерла только после того, как он ее ударил? Или это была уже вторая ее смерть? А до этого она уже успела один раз умереть и... ожила?

Может быть, она сумеет ожить еще раз? От этой мысли ему вновь становится страшно. Алёша устал, очень устал, и ему не хочется подходить к бабушке, но иначе никак не добраться до ее постели и того, что спрятано там внутри. Поэтому он перебарывает страх, заставляет себя встать. На негнувшихся ногах аккуратно, мелкими шажками обходит грузное тело, стараясь не спускать с него глаз. По другую сторону, однако, ему все-таки приходится упустить ее из виду, чтобы, нагнувшись, сунуть руку в щель между кроватьным дном и матрацем. Дыхание перехватывает, сердце в груди сжимается, когда он слышит сухой шелест – бабушка опять ползет за ним! Но это лишь шорох потревоженных простыней.

Алёша долго не может нащупать то, что ему нужно. Приходится совать под матрац обе руки по самые плечи, прижиматься щекой к волокну покрывала. Постельное белье пахнет мочой и смертью. Мама и папа – два призрачных лика, зависших под потолком, – внимательно наблюдают за его действиями. Алёша чувствует их взгляды, но старается не обращать внимания. Наконец пальцы находят холодный металл, под матрацем глухо звякает связка ключей. Алёша тянет их на себя, но те цепляются за что-то. На протяжении одного страшного, невероятно растянувшегося мгновения он видит мозолистую руку ба, схватившую ключи с другой стороны кровати – видение исчезает, когда связка все-таки поддается, и Алёша по инерции, не удержавшись, падает задом на пол.

Ты что же, собираешься бросить бабушку здесь, одну?

Оставишь ее гнить?

Внуче-ек... Ты хде, внуче-ек?

– Вы не можете говорить! Не можете говорить! НЕ МОЖЕТЕ! – Алёша машет руками, разрывая в клочья шарики-лица, разбивая бряцаньем ключей и собственным криком призрачные голоса.

Стоя возле дверей, отпирая дрожащими руками замки, он страшится оглянуться. Алёша прекрасно знает, видит, как если бы у него выросли на затылке глаза, что там, за спиной, сейчас стоят они: бабушка, папа и мама.

– Это вы меня бросили, – всхлипывает он. – ВЫ ВСЕ! – кричит он, а через пару минут уже выбегает на заснеженный двор и, купаясь в лунном сиянии, вдыхает студеной, с легкой, почти неуловимой гнильцой воздух.

Коричнево-белый снег забавно хрумкает под ногами, пока Алёша спешит к игровой площадке. Когда он, счастливый, летит навстречу друзьям.

Первым его замечает Костик. Повернувшись вполборота на вершине горки, Костя тянет к Алёше руки, показывает пальцем со своего трона. «Привет, амиго!» – мысленно восклицает Алёша. Больше нет нужды разговаривать вслух, они и так его слышат.

В грудь ему прилетает снежок. Еще один задевает плечо.

Он так скучал... Он безумно рад видеть их всех. Они тоже рады, он знает. Они улыбаются ему красными улыбками, окружают его... Самые лучшие на всем коричнево-белом свете друзья: Наташа, Антоха, Катька, Вадим, Костик и, конечно же, толстый-нетолстый Эдик.

У его друзей белые, лишенные зрачков глаза. Худые, голодные лица.

И, в отличие от старой Алёшиной ба, у них есть зубы.

Женя Крич

Бескрайнее море любви

Следователь Самохин складывает фотографии обратно в папку.

– Посмотрите мне, пожалуйста, в глаза.

Я поднимаю голову. Выгоревшие на солнце ресницы, темно-серая радужка, черный зрачок. Следователь смотрит на меня с таким торжественным видом, будто совершает подвиг во имя Родины. Спину и плечи жжет горячим. Сначала не сильно, но потом все больше и больше. Чувствую, как начинает пузыриться кожа, и скидываю взгляд. Ищу какую-то точку, на которой можно безболезненно сфокусироваться. На обшарпанной стене замерла жирная муха. Вот она медленно перебирает лапами. Солнце рисует радугу на ее блестящем теле. У мух очень сложные фасеточные глаза, они как будто составлены из сотен мелких линз, и каждая отражает ультрафиолетовые лучи под своим углом. Это жутко и прекрасно одновременно. Как в замедленном кино, муха чуть приподымает перепончатые крылья, словно собираясь взлететь, потом вдруг передумывает и вновь застывает на стене. Глупо предполагать, что мухи умеют думать.

– Вы меня слышите? Вы не смотрите мне в глаза, потому что боитесь сказать правду?

Я не боюсь сказать правду. Просто правда не такая вещь, которой разбрасываются направо и налево. Я не смотрю тебе в глаза потому, что мне больно, идиот.

Следователь Самохин недоволен моим молчанием. Он хочет поскорей от меня отделаться и заняться тем, от чего его оторвали. А именно сексом с Леной из аналитического отдела. Там замусоленный бархатный диван с продавленными пружинами. На нем неудобно. Он слишком мягкий. Лена, высокая девица с немного грубоватым лицом, отодвигает папки со стола. У нее четкие движения. Она делала это здесь уже не раз. Стол чуть поскрипывает, в чашке плещется недопитый кофе. Я думаю, Лена боится, что он прольется на клавиатуру, и поэтому не спускает с него глаз, в то время как следователь рывками входит в нее сзади. Звонит мобильник. Наверное, он звонит как-то по-особенному важно, и следователь отстраняется от девицы. Застегивая брюки, он что-то говорит в телефон. Сейчас ему скажут, чтобы он бросил все и шел заниматься мной. Девица лениво натягивает трусики, поправляет юбку, тянется за чашкой остывшего кофе. Самохин сует телефон в карман. Он меня еще не знает, но уже ненавидит. Я не дала ему кончить. Вот и все, что я вижу в его глазах. Но спину мне жжет не это.

* * *

Того, кто не разговаривает, автоматически считают дебилом. Речь – показатель интеллектуального развития. Способность выражать свои мысли словами отличает человека от животного. Неспособен – значит, ты на ступень ниже, придурок, недоумок, скот и балласт для общества.

Если ребенок не говорит своих первых слов к двум годам, к нему начинают приглядываться. Его исследуют, тестируют, проверяют на наличие маркеров и выносят вердикт.

– Юленька, – мама обнимает меня, и я встречаюсь с ней взглядом.

В глазах у нее страх, жуткий страх перед чем-то необъяснимым, большим и сильным. Мне тоже становится страшно. Я вырываюсь и кидаюсь на пол. Мои плечи горят. Я катаюсь по полу, стараясь затушить огонь, и вою жалобно и протяжно.

– Вы с ней не справитесь, – говорят маме.

И она верит. Она верит, что не справится.

Когда мне исполнилось восемь, я переехала в интернат для таких же моральных уродов. Со мной отправился чемодан моих диагнозов, начиная от аутизма и биполярного расстройства и заканчивая селективным мутизмом и логофобией.

Умственные способности и психическое состояние – это две параллельные прямые. Если ты псих, это не значит, что ты идиот. Впрочем, конечно, одно другому не мешает.

* * *

Следователь Самохин еще раз выкладывает передо мной фотографии. На снимках – мертвые девушки. Вместо глаз у них – черные неровные дыры, черепные коробки пробиты, и сквозь костную ткань виден мозг. Фотографии ожогов на спине. Красные, пузыристые. Чем же это?

– Паяльником, – подсказывает Самохин.

Я не хочу смотреть. Перевожу взгляд и случайно встречаюсь глазами со следователем. Колет плечо.

– А теперь посмотрите на этих девушек до того.

Самохин протягивает мне снимки.

На них молодые симпатичные девицы. У обеих русые волосы. Веснушки.

– Вам не кажется, что они чем-то похожи на вас?

Я молчу.

– В сумке одной из девушек, – продолжает следователь, – найдена ваша фотография с подписью: «На память от Юли». С мобильного другой, последний, звонок был сделан на ваш телефон. Вы ничего мне не хотите сказать?

– Покажите фотографию.

Самохин достает из папки маленький снимок. Мне на нем шестнадцать.

– Допустим, вы не знакомы с убитой девушкой. Но ведь кому-то вы дали свое фото с этой надписью?

* * *

Шестилетнему Борьке доставалось больше всех. Он методично размазывал дерьмо по стенам. Делал он это ранним утром, когда все еще спали. В крыле у мальчишек облюбовал одну из стен, прямо возле портрета депутата, лично спонсирующего нашу школу, и периодически на ней отмечался. Борьку наказывали, ему меняли курс лекарств, но все без толку. Уборщица кидалась на Борьку с тряпкой:

– Иди оттирай свои наскальные рисунки сам, гаденыш!

Борька не реагировал, забивался в угол и мычал.

Уборщица ходила к директрисе, требовала, чтоб Борьку перевели в заведение для полнотью конченных дебилов, твердила, что у нас элитная дурка для продвинутых психов и Борьке здесь не место.

Я однажды заглянула к нему в глаза. Они были ярко-голубые, с зеленоватым отливом. Над зыбкой кромкой сознания равномерно бились волны спокойствия и умиротворения. Море. Борька рисовал на стенах море. Почему, вместо того чтобы рисовать море карандашом на бумаге, он рисовал его дерьмом на стене, я не знаю. Ответа на этот вопрос в его глазах я не нашла. Но в них мне было не больно смотреть. Он был тихий, Борька. Вздрагивал от резких звуков, закрывал уши руками и равномерно раскачивался в такт своей внутренней волне. Я часто приходила к нему и читала вслух разные книги. Казалось, он не слушал, смотрел куда-то в сторону, но, стоило замолчать, он резко поворачивался и просил: «Еще».

– На кой сдался тебе этот придурок? – спрашивал меня мой тогдашний парень.

– Глаза у него хорошие, – отвечала я.

Через какое-то время Борька забросил свое настенное творчество и переключился на карандаш и бумагу. Когда после десятого класса я переводилась из нашего интерната в Центр социальной адаптации, я подарила Борьке свою фотографию.

* * *

Следователь Самохин ведет меня в прозекторскую. Он говорит, что я должна это видеть. Судмедэксперт, пожилая крашенная блондинка, откидывает простыню, обнажая голое тело на столе.

Я не обращаю внимания ни на бурые, покрытые запекшейся кровью ожоги на плоском животе, ни на разбитые переломанные пальцы. Я впииваюсь взглядом в пустые глазницы и чувствую, как земля уходит из-под ног.

– Где тут у вас туалет? – Я умоляюще смотрю на белобрысую тетку.

Она машет куда-то в сторону коридора.

Я бегу мимо нее, мимо Самохина. В туалете меня выворачивает. Я хочу кричать, но звук застывает у меня в горле. Снимаю футболку, прислоняюсь спиной к холодному кафелю и теряю счет времени.

– Эй, ты бы, может, оделась.

Я поднимаю зареванное лицо. Передо мной аккуратная строгая шпилька, красивые ровные ноги, серая юбка, пожалуй слишком короткая для серьезного заведения.

– Что, совсем херово?

Я узнала ее. Это Лена, девица-аналитик. Та, которая с Самохиным.

– Вот ведь до чего доведут человека, уроды. Давай помогу подняться.

Она моет мне физиономию под краном. Затягивает волосы в хвост. Я надеваю майку и мимоходом бросаю взгляд в зеркало. На моей спине ничего нет.

Лена выводит меня в коридор и усаживает на стул. Краем уха я слышу, как она препирается со следователем:

– Самохин, вы там что, совсем охренели? Вы что с девчонкой делаете?

– Проводим следственные мероприятия. Она у нас главный подозреваемый. – В голосе у Самохина сарказм и раздражение.

– Вот только не надо гнать. Я видела это дело. Она такой же подозреваемый, как я – Мария Тереза.

– Реально, у нас, кроме нее, никаких зацепок нет. А с этим, третьим, трупом так вообще. Там, наверху, нас уже прессуют – если серию не раскроем, всем кирдык. А она молчит.

– Ну не знаю, дозу ей дайте, что ли. По-моему, ей надо.

– Не надо. Мы у нее брали кровь. Там все чисто.

– Ну тогда психолога позовите или, там, психиатра. В деле, кажется, про это что-то написано. А то она у вас тут загнется, будете начальству объяснять.

Я не спала почти двое суток. Я устала. Кажется, психолог это понимает.

У нее интересное лицо, не то чтобы красивое, не очень молодое, но интересное. Ее глаза чуть раскосые, как у корейцев-метисов.

– Юленька, вы устали, вам нужно отдохнуть, но поймите, пока вы молчите, может погибнуть еще кто-нибудь.

Я встречаюсь с женщиной взглядом. Там, на поверхности, – самое яркое воспоминание. Обычно – это самое последнее, но иногда – самое болезненное, перебивающее все остальное. Под ним, как правило, омут различной глубины. Воронка. Зеркало души.

– Почему вы не уйдете от мужа? – спрашиваю я.

Психолог вздрагивает – она думает, ей послышалось. Я повторяю:

– Почему вы не уйдете от мужа? Он же вас бьет. У вас никогда не будет детей, потому что он десять лет назад заехал вам кулаком в солнечное сплетение, и остатки неродившегося плода, завернутые в газету, сгнили в мусорной яме.

Мне не надо было этого говорить. Но я правда устала. Мне тяжело находиться среди людей так долго. Сейчас она резко вскочит и убежит. Позовет следователя, и он снова будет меня допрашивать до бесконечности.

Но психолог подымает на меня свои восточные глаза и тихо шепчет:

– Юленька, откуда вы это знаете?

Я извиняюсь, говорю, что ляпнула первое, что на ум пришло. Объяснять дальше нет смысла.

– Послушайте, Юля. Убиты три девушки. Убиты жестоко, зверски. У них обширные ожоги, нанесенные при жизни, и глаза выколоты.

– Их изнасиловали? – спрашиваю я.

– Как бы вам сказать, – вздыхает психолог, – следов семенной жидкости нет. Но есть следы паяльной лампы. Кстати, вы заметили, что все три похожи на вас?

Она кладет на стол снимки.

Меня мутит. Но мой желудок пуст, блевать мне нечем.

– Вашей фотокарточке, найденной у одной из жертв, года три. Вы в это время заканчивали специализированную школу-интернат для детей с проблемами социального развития. Мы, конечно же, найдем того, кому вы подарили свой портрет, но на это уйдет время. А за это время, вы сами понимаете...

Да, конечно. Я сдаюсь и называю ей имя.

* * *

Сколько прошло времени, я не помню. Я, кажется, спала в кабинете психолога. Когда проснулась, она уговорила меня съесть яблоко. Вид бутербродов с колбасой вызывал тошноту.

– Юля, вас больше не задерживают. Там небольшие формальности, подписка о невыезде. Какое-то время вы не сможете уезжать из города. Возможно, вас еще раз вызовут, если возникнут вопросы. Пойдемте, оформим все бумаги, и вы свободны.

– А Боря? Где он?

– Его нашли через психиатрическую клинику, где он состоит на учете. Точнее, не его, а его квартиру, выделенную службой социального страхования. Я не знаю, нужно ли вам об этом говорить, но стены его квартиры завешены морскими пейзажами и портретами. Вашими портретами. Это доказывает то, что вы с ним не просто знакомы, а занимаете какое-то важное место в его жизни. Его ищут, так что, если знаете, где он может находиться, пожалуйста, сообщите нам.

Она протягивает мне карточку с телефоном.

Я не знаю, где может быть Боря. Я давно его не видела. Но я точно знаю, что он никого не убивал. Он просто не мог.

* * *

Я стою на автобусной остановке и плохо соображаю, куда мне ехать. Под стеклом – расписание маршрута и карта города. Перебирая в уме все точки на карте, пытаюсь вызвать в памяти хоть какой-то отклик.

«Южный микрорайон» – мимо. «Судоверфь» – мимо. «Химфармкомбинат» – близко. Кажется, я там работаю. Но мне не нужно на работу. Дальше. «Центральный парк» – мимо. «Улица Юрия Гагарина» – в яблочко. Я живу на улице Гагарина. От того, что я наконец знаю, куда ехать, мне делается спокойней. Вот дура, могла бы просто в паспорт заглянуть. Надо будет запомнить на следующий раз.

Кто мог позвонить мне с телефона убитой девушки? Я просматриваю пропущенные звонки. Есть один. Шесть дней назад. Мне звонят редко. У меня нет друзей и родственников. С работы? Может, они мой номер кому-то дали? Предположим, это Борька. Нет, я не могу такое предположить. Должен быть кто-то еще.

У меня больная, нездоровая память. Я помню много деталей, но упускаю главное.

Вызываю у себя в памяти обрывки воспоминаний, связанных с интернатом. Чувствую: ответ там, потому что кто-то знает обо мне слишком много. Кто-то ждет от меня каких-то действий, какой-то ответной реакции, но у меня с этим сложно. Я так и не научилась реагировать адекватно.

Месяц назад я видела Андрея. Едва узнала его – он так изменился за несколько лет. Просто красавец, от девчонок у него, наверное, нет теперь отбоя. Это была случайная и совершенно необязывающая встреча, мне было немного не по себе, но особого значения ей не придавала. Мы столкнулись у входа в городской парк. Разговор не клеился. Было очень неловко. Как дела, где работаешь, что делаешь? Андрей заканчивал мединститут, похоже, очень этим гордился. Его брали в ординатуру в какое-то суперпрестижное место.

– Может, дашь мне свой телефон, созвонимся?

Я покачала головой:

– Не стоит.

– Ну тогда я дам тебе свой, – Андрей протянул мне листок бумаги, – захочешь, позвонишь.

Мы попрощались. Я скомкала листок и сунула в карман куртки, собираясь выбросить его в ближайшую урну.

Я не вхожу в одну реку дважды – не умею плавать.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я влюбилась. Это было то самое чувство, на адекватное проявление которого, если верить диагнозу, моральные уроды вроде меня не способны. Андрей был на пару лет старше и казался мне самым умным человеком на свете. Он знал ответы на все вопросы. Статистически, люди с синдромом Аспергера имеют высокие показатели интеллекта. Еще ребенком Андрея поместили в наше заведение с посттравматической идиосинক্রазией, после того как с родителями произошел несчастный случай. Неизбежность нашего притяжения друг к другу определялась отсутствием других вариантов: мы были самыми функциональными среди неликвидов. Нас многое связывало. Мы могли долго молчать вместе и не испытывали желания смотреть друг другу в глаза.

Мне всегда было интересно, что же происходит от взгляда. Ведь мы все что-то при этом чувствуем, но не все можем об этом рассказать. Почему, например, когда я смотрю в глаза многим людям, мне кажется, что с меня сдирают кожу? И почему, когда я смотрю в глаза Борьке, мне хорошо? Легче всего принять это за выверт больного подсознания, ведь на спине у меня никаких ожогов не остается. Значит, и то, что я вижу, – фикция? Так мне сказал Андрей, а я ему верила.

Собственно говоря, я никогда в глаза ему не смотрела. Кроме одного раза.

Наверное, это тоже было неизбежно.

Андрей стащил у завхоза ключи от подсобки. Курить там было огнеопасно, но кто ж об этом думал? Где он достал вино и сигареты, я не знаю. Мы целовались на куче каких-то мешков, зная, что ночью сюда никто не полезет. Мне не нужно было этого делать, но я подняла веки и увидела. Все еще чувствуя вкус его губ на своих губах, я провалилась в без-

дну. В зрачках Андрея полыхал огонь. Там, в самой глубине, в пламени горящего дома корчились тела. У них вздымалась волдырями кожа, глаза вываливались из глазниц и лопались гнойными пузырями. Я тщетно пыталась вырваться, но жар пошел по моей спине, пробирая до самого позвоночника. Пахло гарью. Это горела моя плоть, обугливаясь и превращаясь в пепел. Я смотрела в глаза Андрея, когда он входил в мое выжженное нутро, разрывая тонкую ткань бытия, и хотела одного: умереть.

* * *

В кармане куртки карточка с номером психолога. Я набираю номер и жду. Она отвечает сразу.

– Юленька, вы что-то вспомнили?

– Мне нужно поговорить с Леной, которая из аналитического отдела. Вы можете меня с ней соединить?

– Да, конечно. Вы не против, если я останусь на линии?

– Мне все равно.

Трубка плюется щелчками. Проходит какое-то время.

– Лена? Ты можешь посмотреть в своем компьютере статистику по трупам без глаз?

– Что?

– За последнюю пару лет, ну когда трупы без глаз находили.

– Юля, я не могу вот так вот взять, залезть в базу данных и выложить абы кому информацию. Да и вообще, у меня нет под рукой компьютера.

Ну да, абы кто – это я, понятно.

– Лена, компьютер у тебя в офисе на столе. На том столе, где сегодня утром следователь Самохин едва не опрокинул чашку с кофе, когда...

– Откуда ты... Чего ты хочешь?

– Нас ведь слушают, да? Вот и спроси их, пусть ответят на мой вопрос.

– Уже ответили. За последние три года не было убийств с вырезанными глазами. Хотя подожди. Тебя интересуют именно убийства или глаза? Трупы без глаз были. Я тогда только работать начала. Я это дело запомнила, очень уж оно странное. Но оно шло не через убийственный, потому как убийств не было. Трупы были из морга, уже заведомо мертвые, просто какой-то акт вандализма. Зачем это тебе, Юля?

Я не отвечаю и нажимаю отбой. Бросаю карточку психолога в урну. Достаю из кармана скомканный листок бумаги. Пристально вглядываюсь в плывущие цифры и, наконец, решаюсь.

– Ну наконец-то. Я уже собирался сам тебе звонить.

– Откуда у тебя мой номер?

– На твоей работе дали.

– Где Боря?

– Приезжай – увидишь.

Андрей называет адрес, при этом доходчиво мне объясняя, что мое молчание в Борькиных интересах.

По адресу оказывается какое-то ателье, похоже давно вышедшее из бизнеса. Андрей ждет меня в машине.

Мы едем за город.

Ночь раскидывает свои крылья над горизонтом, и небо сливается с землей.

Мы молчим всю дорогу.

Старый загородный дом встречает нас темными глазницами окон и гробовым молчанием. Внутри резкий знакомый запах – формальдегид.

– Чей это дом? – спрашиваю я.

– Моих родителей, – отвечает Андрей.

Он врет. Дом его родителей сгорел много лет назад. Он сам поджег его. Теперь я это знаю точно.

Андрей достает початую бутылку коньяка. Разливает в бокалы.

– Ты их тоже коньяком поил, перед тем как?

Мне не страшно. Просто пусто и холодно. Там, в пустоте, плещется о тонкие стенки сознания мысль о том, что Борьку я уже не увижу. Никогда. Но я все равно спрашиваю:

– Где Боря?

– Юля. То, что с нами происходит, закономерно. Мы созданы друг для друга. Мы – одно целое. Я окончательно понял это тогда, когда встретил тебя в парке, хотя, конечно же, догадывался об этом раньше. Мы не такие, как все. Мы – другой, лучший тип людей, и нам нужно держаться вместе. Я пытался найти тебе замену, но не смог. Да, я поил этих девок коньяком, и что с того? Они – обычные. Серая, никчемная посредственность. Я видел их глаза. В них не было ничего, кроме комьев бесполезной плоти. Я знал, что ты позвонишь. Я многое о тебе знаю, как и то, что после меня ты так ни с кем и не сошлась. С твоей стороны глупо делать вид, что я тебе безразличен.

Он ведет меня в полуподвал дома, и я почти не удивляюсь, увидев там стеллажи с полками, уставленными колбами и пробирками. Со всех сторон на меня смотрят мертвые глаза.

– Красиво, правда? – спрашивает Андрей. – Вначале я использовал обычный фиксатор, но он изменял цвет материала, хоть и сохранял структуру ткани. Теперь я достиг идеального баланса спирта, формалина и различных кислот. Тебе нравится? Тебе ведь должно это нравиться.

– Где Боря? – повторяю я.

– Меня всегда удивляло, что ты нашла в этом недоумке, – отвечает Андрей, – но я считаю с твоими чувствами. У него особенные глаза, ты говорила. Я запомнил. У меня для тебя подарок.

Андрей протягивает мне колбу, и я вливаюсь в нее взглядом.

– Я постарался не повредить оболочку, когда их извлекал. Обрати внимание, цвет практически не изменен. Я очень старался. Для тебя.

Я знаю, что увижу. Я увижу, как векорасширителем раскрывается глазное яблоко, как крючок заходит в глазницу и рассекает мышцы вместе с глазным нервом, который теперь болтается тонкой бесхозной ниткой. Я увижу, как Борькино тело конвульсивно дергается в предсмертной агонии, но я не могу не смотреть. Беру прозрачную склянку и замираю, как муха на стене. Я ошибаюсь. В мертвых Борькиных глазах я вижу только море, бескрайнее синее море всепоглощающей любви. И себя. И больше ничего.

Кто-нибудь. Пожалуйста. Закройте. Мне. Глаза.

Елена Щетинина

Лягушка – прожорливое брюшко

– В тра-ве си-дел куз-не-чик, – фальшиво гнусавил четырехлетний Кирюша, подпевая песенке и постукивая голыми пятками по дивану.

Алиса уже жестоко разочаровалась в этой, когда-то казавшейся ей прекрасной, идее: подарить племяннику музыкальную книжку – с деревянными страницами, яркими картинками, крупными буквами и хитровыдуманной коробочкой на торце, откуда и доносилась уже ставшая омерзительной – еще бы, после получаса непрерывного брэнчания! – песня. На обложке жирная коричнево-зеленая лягушка – хотя это скорее была жаба – тупо пучила глаза в пространство, а на травинке над ее головой сидел ядрено-салатовый кузнечик с обреченным выражением на какой-то подозрительно собачьей морде.

– Зей-е-нень-кий он был, – зевнул Кирюша.

Алиса вздохнула, подавив свой зев, и потрепала племянника по белобрысой голове.

Сестра позвонила ей позавчера, долго извиняясь по поводу форс-мажора. Марина доживала последний месяц второй беременности, и несмотря на то что ее Вовка уже две недели сидел на вахте в тысячах километров от семьи, не унывала и была полна кипучей энергией. Вот и в этот раз ее голос был бодр и весел. Как-то уж даже чересчур бодр и весел.

Поболтав о том о сем, о погоде, о последних новостях, о людях, про которых Алиса и думать забыла чуть ли не сразу после того, как покинула родной городок, Марина задала сакраментальный вопрос – небрежно, словно между прочим:

– Ты бы не приехала ко мне, с Кирюхой посидеть?

– Ммм? – промычала Алиса, как раз в этот момент, зажав телефон между ухом и плечом, откидывавшая полуразварившиеся макароны в дуршлаг.

– Тут такое дело, Лис... – Марина понизила голос, кажется, даже прижалась к трубке губами, и жарко зашептала: – Ну ты же знаешь, что Вовка еще месяц не приедет?

Алиса кивнула, чуть не упустив телефон в раковину, и, спохватившись, прогудела:

– Угу.

– Вот, – Марина помялась и продолжила: – А меня тут на сохранение кладут. Ненадолго, на пару-тройку дней всего... В общем, все равно рожать скоро, вот и долежать.

– Ой, – сочувственно вздохнула Алиса, открывая кран на полную мощность и вращая уже опустевший дуршлаг, чтобы пробить струей воды забившиеся слизистым тестом отверстия.

– Ну вот... А там карантин. С Кирюшей не пускают, в общем. Приезжай, пожалуйста, а? У тебя же в универе каникулы.

– А кто-нибудь из подруг? – с усилием спросила Алиса, борясь между обреченным согласием и попыткой постоять за свой законный отпуск.

– Ой, да там такие дуры! – воскликнула Марина. – Я бы им даже кота не доверила. Если бы у меня был кот.

Алиса подумала, что и самой Марине вряд ли бы можно доверить кота, – и вяло согласилась.

Так что сейчас, протрясаясь в душном плацкарте сутки, она сидела на диване у Маринки и наблюдала, как сестра, суется и неловко переваливаясь на отеках за беременность ногам, бегала и собирала вещи.

– А раньше ты никак не могла? – заинтересованно спросила Алиса.

– Ой, да как всегда, что, не знаешь? – Маринка протопала в комнату, бросила в спортивную сумку какую-то майку и убежала в глубь квартиры. – Собираешь-собираешь, собираешь-собираешь... – глухо донеслось оттуда. – А потом – опа! – и самое главное забыла! – Она появилась в комнате с очередной майкой в руках.

– Куда тебе их столько? – Алиса ткнула пальцем в и так уже расправленную сумку грудой однотипного белья. – Перед кем красоваться-то?

– Ой, да жарко же! – всплеснула руками Марина и снова унеслась куда-то. Вернулась она с топиком, который, пожалуй, уже не налез бы ей даже на одну грудь. – Сейчас на такси добросят, а потом...

Звонко булькнул эсэмэской телефон.

– Вот уже и такси подъехало! – радостно воскликнула Марина.

Метнулась в кухню, чем-то там шлепнула, потом снова забежала в комнату, звонко расцеловала хихикнувшего Кирюшу, взъерошив ему волосы и зардев и без того розовые мальчишеские щеки, – и бодро ушуршала в коридор, легко подхватив незакрытую сумку.

– Эй, я помогу! – Алиса подорвалась вслед за сестрой – что угодно, лишь бы хоть пять минут не слышать этого мерзкого пиликанья.

У выхода Марина, с трудом наклонившись над сумкой, пыхтя и отдуваясь, застегивала молнию.

– Ну чего же ты! – с укоризной выпалила Алиса, присев на корточки и дернув бегунок замка на себя.

Сумка показалась странно пустой и мягкой – и это после того как Марина только за последние пятнадцать минут натаскала туда целый ворох маечного барахла!

– Ну все, Лис, пока! – Марина чмокнула Алису и, быстрым движением закинув сумку на плечо, выскочила на площадку.

Алиса проводила сестру взглядом до лифта и, когда разукрашенные уродливыми надписями створки гулко закрылись, а механизм утробно заурчал, захлопнула дверь, шумно провернув ключ в замке.

Что-то тут было не то.

Маринка встретила ее радушно – даже слишком радушно. Радовалась встрече, восхищалась книжкой-подарком, заставила Кирюшу прочесть какие-то стишки-нескладушки, долго и упорно поила чаем... Болтала обо всем на свете – словно не хотела о чем-то говорить. О чем-то очень важном, что Алисе совершенно необходимо было знать...

«Да ну!» – Алиса тряхнула головой. Ну что за ерунда? Марина, конечно, не подарок и не самая лучшая из сестер, но на подлости или связи с чем-то нехорошим, а то и криминальным, была совершенно не способна. Просто волнуется перед родами, вот и все.

Взгляд скользнул по полутемному – в трехрожковом бра перегорело две лампочки – коридору и...

Алиса вздрогнула.

Около двери валялась стопка маек. Именно тех, что Марина так активно стаскивала в сумку на Алисиных глазах. Чересчур активно стаскивала. Стопка была вывалена неровно, грудой, словно кто-то выгребал ее впопыхах, совершенно не заботясь об аккуратности.

– А что потом? – Кирюша стоял в дверях комнаты и расстроенно надувал губы.

– Что – потом? – не поняла Алиса, с трудом отведя взгляд от медленно расползающейся кучи одежды.

– Ну вот же, – он ткнул пальцем в страницу наобум и по памяти пропел: – «И съела куз-не-ца». Лягушка проशीловое брюско. Съела кузнечика. А что потом?

Алиса вздохнула. Кстати, да. Сюжет тоже неплохо бы помнить, прежде чем покупать подобные книжки. Она бы еще ему про медведя на липовой ноге или жуть про то, как петушок стал флюгером, притащила... От детских воспоминаний ее передернуло.

– Вытащили, – через силу улыбнувшись, потрепала она племянника по волосам.

– Как – вытащили? – округлил тот голубые – Маринкины! – глаза.

– Ну как Красную Шапочку с бабушкой, помнишь? Вот и тут так же – разрезали лягушке брюшко...

– Брюско?

– Брюш-ко, – четко проартикулировала Алиса. – Это живот, значит. Разрезали, вытащили кузнечика. Он и снова запрыгал, запел и что там еще...

– С мухами дружил.

– Во, да. И с мухами снова задружил.

– А лягушка?

Алиса постаралась скрыть улыбку. Дети, что уж. Хотят, чтобы в финале у всех все хорошо было.

– А лягушке живот зашили, пластырем заклеили, и она тоже... с мухами задружила.

Кирилл улыбнулся и утопал обратно в комнату.

Зазвонил телефон. Марина. Что-то забыла, растеряша. Неужели поняла, что где-то потеряла полсумки маек и теперь хочет, чтобы сестра их привезла? Ну-ну.

Алиса, улыбаясь, подняла трубку.

– Лис, – затараторила Марина, – послушай меня внимательно. Я не сказала тебе... ну... в общем, не сказала кое-что очень важное.

Сердце замерло. В голове пронеслись самые безумные мысли – Марина ложится на операцию, которая может оказаться фатальной? Или надумала рожать в воду, в траву, в борозду, в молоко – как там предлагают новомодные сектанты?

– Что? – хрипло спросил Алиса.

– Ну, в общем... – Марина мялась, а Алиса чувствовала, как холодеют пальцы в ужасном предчувствии.

– Ну же, – взмолилась она. – Ну!

– Лис, ты с Кирилла глаз не спускай, хорошо? Вот вообще ни на секунду. За руку держи его на улице, дома проверяй постоянно. Ладно?

– Ну конечно. Но он же... ты же сама говорила, что он послушный?

– Не в этом дело... – Марина помолчала и тяжело вздохнула в трубку. – У нас тут уже второй месяц дети пропадают. Маньяк у нас тут, Лис.

– Что? – пискнула Алиса, но сестра уже бросила трубку.

Трясущимися руками Алиса набрала номер. Гудки шли долго, мучительно долго – а она словно воочию видела, как Маринка смотрит на экран в надежде, что сестре надоест, и она отступится.

«К сожалению, абонент не может ответить на ваш звонок...» – пропел мелодичный механический голос. Алиса вырубилась, не дожидаясь «Вы можете оставить сообщение после звукового сигнала», и повторила вызов.

Марина ответила только на третий раз, нехотя, угрюмо:

– Да...

– Это шутка, да? Шутка? – Алиса шипела громким шепотом – от перехода на крик ее удерживала боязнь напугать Кирюшу.

– Нет, не шутка, – тихо ответила Марина. – Такими вещами не шутят.

– Но... Марина, почему я узнаю об этом только сейчас?!

– Потому что иначе бы ты не согласилась.

Алисе было нечего ответить. Марина была права. Да, она бы не согласилась. Да и кто бы согласился взять на себя такую ответственность! Ладно посидеть с малышом – но следить за его безопасностью, зная, что где-то бродит маньяк?

– Ты бы не согласилась, – повторила Марина. – А мне деваться некуда. Лис, ну всего пара дней. Послезавтра, скорее всего, уже рожу. Просто никуда не отпускай Кирю одного, вообще глаз с него не своди. Даже дома. И всегда носи с собой его свидетельство о рождении, я его на кухне на столе оставила. Все будет нормально, Лис, я в тебе уверена. Спасибо.

Короткие гудки обозначили окончание разговора. И почему-то было понятно, что больше на том конце никто не ответит.

Алиса сдавленно взывала и обхватила голову руками.

Это было в духе ее сестры, да. Тянуть до последнего, до момента, когда уже нельзя было не сказать – потому что она не умела объяснять. Не умела объяснять – а еще боялась. Трусила до ужаса, до оцепенения, до полуобморочного состояния, вне зависимости от степени значимости события. Марина билась в трясучке, когда нужно было тянуть билет на экзамене; заливалась валерьянкой вперемешку с какими-то таблетками перед собеседованием по работе – и даже на тест на беременность осмелилась взглянуть только после того, как хлопнула рюмашку водки. Алиса была свидетелем всех этих событий – а сколько еще прошло мимо нее?

Черт, вот зачем Марина таскала майки – тянула время! Делала вид, что занята чем-то важным, лишь бы не отводить глаза, не подбирать судорожно слова, не рассказывать то, о чем должна была сказать еще позавчера, когда звонила!

– Но-вот приш-ла ля-гуш-ка... – истерично забренькало из комнаты.

Алиса вздрогнула. Глупая механическая песенка, ввинтившись в мозг дрелью, вывела ее из оцепенения.

Ну хорошо, хорошо. Не стоит раскисать. Да, маньяк. Да, дети пропадают. Но разве мало маньяков в той же Москве? Тем более невыявленных?

Марина ей доверяет, она вызвала ее – значит, знает, что Алиса справится. В конце концов, что нужно-то? Следить за Кирюшей, не выпускать его из виду, крепко держать за руку? Ну так она бы это и без Маринкиного предупреждения делала!

Все, нечего тут ныть. Все будет хорошо.

– Кирюха! – крикнула она в комнату, пытаясь перекрыть терзающую уши мелодию. – Одевайся, пойдем гулять!

* * *

Июльская жара плавил асфальт, скручивала в трубочки жухлую листву, сушила горло и губы, оседала горячей пылью на лице.

Кирюша, крепко вцепившись Алисе в руку, тащил ее за собой по аллее, что-то болтая вздохом: то ли перечисляя все, что встречалось им на пути, то ли делясь какими-то сверхважными мальчишескими секретами; понять было сложно – в другой руке у него была крепко зажата визгливо пиликающая книжка.

Алиса косилась по сторонам, видя в каждом встречном потенциального маньяка – или целую организованную группировку. Странно, но ей казалось, что точно так же – напряженно, пристально, с подозрением – косились уже на нее сидящие на лавочках бабки с дошколятами и мамы с колясками.

Одна из бабок глянула как-то уж совсем нехорошо – исподлобья, отклячив сухую пергаментную губу, обнажив желтые зубы, одновременно дернув на себя поводок, на другом конце которого ковырялся в увядшей траве щекастый карапуз.

Сделав несколько шагов, Алиса оглянулась на бабуку. Та продолжала смотреть ей вслед, то и дело закатывая глаза и шевеля губами, словно что-то вспоминая.

Через несколько секунд Алиса оглянулась снова – но уже не на бабуку. Ее стало беспокоить кое-что другое.

Позади странной походкой – словно он постоянно сдерживал себя и заставлял семених вместо размашистых шагов – шел высокий крепкий мужчина с неряшливой, клочками, стрижкой. Правая рука у него была заведена за спину. Глаза – мутно-голубые, полуприкрытые тяжелыми красноватыми веками, – сверлили Алису.

Она оглянулась уже раз десять – каждый раз выхватывая новые черты внешности своего преследователя – и тот, конечно, понял, что его заметили.

– Девушка, погодите! – прозвучал хриплый бас.

Алиса ускорила шаг. Кирюша теперь не вел ее, он семенил сзади, не поспевая, и уже она тащила его за собой. Как назло, незадолго до этого они свернули в какую-то заброшенную и безлюдную часть парка – и никто, никто не мог ей помочь. Даже музыкальная книжка заткнулась.

– Девушка! – крикнул преследователь.

Алиса резко развернулась.

– Что? – с вызовом спросила она.

– Девушка, – мужчина держал уже обе руки за спиной, – а откуда у вас этот мальчик?

– В каком смысле?

– А в том, что мне кажется, что я его раньше уже видел в этом парке. А вот вас – ни разу. Его руки дрогнули и стали медленно появляться из-за спины.

Алиса напряглась. Нож? Пистолет? Палка? Как отбиваться? Куда бежать? И как? С Кирюшей она никуда не убежит, даже если подхватит его на руки!

Мужчина молчал.

Его левая рука – пустая! – повисла вдоль бока, а вот в правой, судя по напряжению мышц, явно что-то было...

Алиса заозиралась по сторонам. В полусотне метров, через газон и густые посадки мелькали люди, доносились негромкие голоса – может быть, заорать? Позвать на помощь?

Она открыла было рот, набирая полные легкие воздуха...

...и осеклась.

Правая рука мужчины полностью показалась из-за спины. Держась за указательный палец, снизу вверх на Алису смотрела рыжая, обсыпанная веснушками, как горчицей, девушка. Одного возраста с Кирюшей, милая в своей детской пухлости, она теребила вымазанные шоколадом губы.

– Ыгххrrrr, – выдохнула Алиса.

– Девушка? – уже угрожающе, с напором, повторил мужчина. – Я никогда вас не видел с этим мальчиком.

До Алисы стал медленно доходить смысл фразы.

Она припомнила напряженные лица, провожающие ее с подозрением взгляды, бабуку, которая пыталась что-то вспомнить...

– Ах, вот вы о чем... – с облегчением рассмеялась Алиса. – Вы думаете, что украли его, да?

Мужчина не улыбнулся.

– Сейчас, – забормотала она, перебирая содержимое сумки. – Это племянник мой. Марина... сестра... сказала с собой всегда свидетельство о рождении брать... Вот!

Она сунула заламинированный листок в руки мужчине. Тот покрутил его в пальцах и внимательно глянул на Кирюшу.

– Как тебя зовут? – спросил он у малыша.

– Кийий, – отчеканил тот. Свое имя у него почему-то никак не получалось.

– А это кто? – Мужчина мотнул головой в сторону Алисы.

– Это тетьлис. Моя тетя.

– А твоя мама ее знает?

– Да. Мама пошла в больницу, чтобы мне братика принести. А тетьлису попросила со мной посидеть.

– Это мама тебе сказала?

– Да.

– Ну хорошо, – кивнул мужчина. – Извините, – сказал он, протягивая Алисе свидетельство. – Сами же знаете, что у нас тут происходит. Вот своими силами каждого подозрительного проверяем. Извините. Давайте я вас провожу.

* * *

– Район же маленький, все рано или поздно примелькаются, – объяснял Олег – так представился мужчина. – Вот и Кирилла вашего я запомнил. Как и то, что с ним всегда была блондинка такая яркая... с косой. А вы на нее, – он покрутил рукой перед лицом, – ну никак не похожи.

Алиса улыбнулась. Да уж, перепутать ее – темноволосую, с короткой стрижкой и мальчишеской фигурой – и пышнотелую с роскошной блондинистой гривой Маринку невозможно. Сейчас их и сестрами-то признать весьма сложно. Странно, правда, что собеседник не упомянул самого главного их различия – беременности Марины.

Они сидели на лавочке, отхлебывая из стаканчиков стремительно тающее мороженое и наблюдая за тем, как их подопечные трудятся над рытьем туннеля к центру Земли прямо посреди дорожки.

Жена Олега уехала сдавать сессию – «Проблема маленького городка, – криво усмехаясь, сказал он. – Все молодые и красивые девушки в итоге оказываются заочницами столичных вузов и два раза в год улетают из семейного гнезда» – и оставила его присматривать за четырехлетней Тасей.

– Вот, смотрите, – взъерошил Олег волосы. – Таська позавчера утром, пока я спал, обкорнала. А в парикмахерскую времени нет заскочить.

По аллее, тяжело переваливаясь с ноги на ногу – точь-в-точь как давеча беременная Маринка, – прогуливался огромный поролоновый колобок. Гигантский даже по привычным Алисе столичным меркам – за два метра в высоту и столько же в обхвате. Что же там за кукловод? Каланча-баскетболист? Как ему не жарко в этом костюме в пекле душного июльского дня?

Колобок провел рукой по макушке Кирюши, взъерошил ему волосы, затем повернулся в сторону Алисы – грубо намалеванное, бездумно улыбающееся лицо наводило какой-то безотчетный ужас, которого она тут же устыдилась, – и сунул ей и Олегу в руки по листовке. Потом еще раз погладил Кирюшу и отправился дальше, в свой бесконечный путь в тесной тюрьме поролонового тела.

Алиса автоматически скользнула взглядом по красочным фото сетов суши и так же автоматически скрутила глянцевый листок в трубочку и засунула в щель скамейки.

– Как им не жарко в этих костюмах? – повторила она вслух.

– Да плевать, – Олег пожал плечами и, даже не глянув, смял буклет и швырнул в урну. – Нахлебники-бездельники. Только мусор от них один.

– А почему тогда... почему вы все гуляете? – вернулась Алиса к теме разговора. – Надо же сидеть дома? Закрыться и не выпускать детей!

– В доме тоже пропадали, – тихо сказал Олег.

Это и было первым порывом – запереть детей в квартирах и сидеть рядом с ними неотлучно. Тогда это казалось наилучшим и самым верным решением: мой дом – моя крепость, ни один маньяк не сможет проникнуть в него. Да, уже четверо малышей пропали в парках, трое исчезли прямо посреди оживленной улицы, стоило родителям отвернуться лишь на минуту, – но кто осмелится покуситься на дом?

Увы.

Первый пропавший из квартиры ребенок был оставлен один буквально на пятнадцать минут – мама побежала в магазин за углом. Вернувшись, она увидела лишь приоткрытую дверь.

– Приоткрытую, – с нажимом повторил Олег. – Чуть-чуть. На ладонь. На цепочке.

Ребенка никак не могли протащить через эту маленькую щель. И тем более никто не мог проникнуть через нее внутрь.

Второй – точнее, вторая, это была девочка – исчезла ночью. Из квартиры, где кроме нее находились еще мать, отец, старший брат-студент и бабушка. Единственное, что мог вспомнить рыдающий отец, – бабушку увезли в больницу с инфарктом, а вокруг матери хлопотали сын и бригада медиков, – так это то, что вечером кто-то позвонил им в дверь. Открыв ее, они увидели на площадке лишь темноту – и списали все на хулиганов, выкрутивших лампочку и балующихся со звонками. А наутро не обнаружили в кровати трехлетней Лизы. Лишь злобная лужица чернела на белой простыне.

– Никаких следов, – тихо покачал головой Олег. – Никаких. Вообще.

Крали только детей до пяти лет – маленьких, щуплых, похожих на взъерошенных воробушков. Их фотографии висели на каждом столбе – желтея под обжигающим солнцем, ссыхая и обползая под летними ливнями. Никто не звонил по указанным телефонам, никто не видел пропавших малышей. Через месяц закрылись все детские сады и опустели кружки – родители не осмеливались отпускать детей от себя даже под присмотр педагогов. Срочно были вызваны из деревень и других городов бабушки, на работах начали массово брать отпуска и отгулы. В городе воцарились страх и молчаливое, напряженное подозрение.

– Но... газеты? Телевидение? Интернет? – растерянно пробормотала Алиса.

– А вы что, читали наши газеты? Или успели посмотреть местные новости? Или посерфили по portalу?

– Нет, – стушевалась Алиса. – Я имела в виду – всероссийские...

– А зачем нам всероссийские? Зачем развлекать бездельников – любителей острых ощущений? Чтобы вы у себя в столице потом языки терли?

– Да при чем тут это... чтобы специалисты приехали, помогли...

– А почему вы решили, что не приехали? Для того чтобы их позвать, не нужно устраивать показательные пляски на костях!

Олег покраснел, на шее и висках у него вздулись вены, он уже практически орал.

– Если уж выбирать – самим справляться и чтобы было все тихо или же заняться душевным стриптизом, но заручиться поддержкой из столицы, – мы уж сами как-нибудь! Зато не подарим бесплатное развлечение!

На них стали оглядываться с соседних лавочек, Кирилл демонстративно сморщился и прикрыл ладонями уши, и только Тася, видимо привыкшая к подобным всплескам ярости у отца, продолжала невозмутимо ковыряться в песке.

– Тихо, тихо, – попросила Алиса. Ей было очень неудобно – и потому, что на них смотрели уже с каким-то брезгливым любопытством, и потому, что, собственно, она сама и спровоцировала этот всплеск.

Олег нервно улыбнулся, растерянно озираясь по сторонам.

– Извините, – смущенно сказал он. Ярость сменилась какой-то пристыженной покорностью. – У меня, бывает, накатывает. Я раньше боксом занимался... в общем, неправильно занимался, теперь клинит иногда. Но вы еще поймите... ситуация сейчас такая... Все нервные ходят. За лишний взгляд в сторону ребенка порвать готовы.

– Все нормально, – Алиса с деланой беспечностью похлопала его по плечу: – Я понимаю.

* * *

Через час, когда Тася подошла к отцу и безмолвно стала дергать его за штанину, они спохватились, что заболтались и совсем забыли о времени. Алисе нужно было еще заскочить в магазин – у Маринки не оказалось ни молока, ни свежего хлеба – так что на его пороге они с Олегом и распрощались.

– А давай сыграем? – предложила она Кирюше, когда, нагруженные покупками, они подошли к своему подъезду.

Тот удивленно глянул на нее снизу вверх. Неужели Маринка не обучила его этой простой игре?

– Ну вот смотри, – Алиса потянула на себя тяжелую дверь подъезда. Пружина натужно загудела. – Загадывай какое-нибудь желание. Загадал?

Кирюша задумался на минуту – Алиса терпеливо ждала, не желая нарушать течение нехитрых мальчишеских мыслей, – а потом кивнул.

– Только мне не говори, а то не сбудется, – предупредила она. Ритуал загадывания желания должны окружать разные мелочи – именно на них потом легко свалить вину, если действительно не сбудется. – Теперь смотри. Я сейчас держу дверь, потом мы забегаем в подъезд – и я ее отпускаю. Если мы успеем добежать до лифта, прежде чем она захлопнется, – то желание исполнится. Понял?

Кирюша снова немного подумал и кивнул.

– Так, я считаю до... погоди-погоди, – она едва успела цапнуть за рукав племянника, который уже метнулся в подъезд. Еще не хватало, чтобы он запнулся и о ступеньки голову раскроил. – Я считаю до трех – и мы бежим вместе. Ясно?

– Ясно! – весело выкрикнул Кирюша. Азарт игры уже охватил его.

Алиса тихо усмехнулась:

– И... раз!

Мальчишка напрягся.

– Два...

Кирюша неуверенно выбросил вперед ногу, но тут же вернул ее обратно.

– Три!

Кирюша ринулся в подъезд. Алиса незаметно придержала дверь на пару секунд – доводчик показался уж слишком тугим, а ей хотелось, чтобы племянник выиграл этот забег, – и, преувеличенно громко топая, бросилась следом.

Кирюша, сопя и тяжело дыша, с трудом преодолевал десятую ступеньку, поэтому Алиса, подскочив, подхватила его под мышки и с громким «Бзззжжж!» поднесла к лифту.

– Уф! – опустила его там. – Президентский вертолет доставил пассажира к месту назначения!

– А так можно? – Кирюша поднял на нее удивленный взгляд. – Это честно?

– Честно-честно, – кивнула Алиса. – Мы же вместе бежали? Вот вместе и добежали.

Мальчик улыбнулся.

И тут внизу хлопнула дверь.

Алиса напряглась: она не любила ездить в лифте с посторонними. Неловкое молчание, демонстративное изучение стен и потолка – все это навевало на нее тоску. А здесь, судя по всему, встреча с чужаком грозила еще и опасностью.

Но по лестнице никто не поднимался.

– Она только сейчас закрылась, – сказал Кирюша. – Я бы и сам успел.

Видимо, сквозняк от захлопнувшейся двери всколыхнул застоявшийся воздух подъезда – откуда-то снизу потянуло сладковатой гнилью и прогорклой влажностью. Наверное, летние дожди или весенние воды когда-то пропитали старый подвал, а может быть, и обметали ржой трубы отопления, и теперь сырость долго еще не выветрится отсюда, если только ее не прожарит какое-нибудь особо жестокое и сухое лето.

Алиса сморщилась, стараясь не дышать полной грудью, и нажала кнопку вызова.

Тишина.

Лифт не работал.

– Такое часто бывает, – пожал плечами Кирюша. – Мама говорит, зачо денгиплатим.

Алиса вздохнула. Идти на пятый этаж, да еще и с пацаном на буксире, ей не улыбалось.

Ведь придется же на каждой площадке останавливаться...

– Тетьлис, – Кирюша дернул ее за рукав. – А что такое зачо? И денгиплатим?

Она ошиблась.

Останавливаться на каждой площадке им не пришлось, Кирюша бодро топал в такт вновь визгливо заоравшей песенке, весело подпевая и размахивая руками. Но на лестнице между третьим и четвертым этажом мальчик все-таки выдохся и сел прямо на ступеньки. Алиса примостилась рядом, опершись спиной на перила.

– Батон будешь? – предложила она, сунув руку в пакет с продуктами.

Кирюша с подозрением глянул на нее. Книжка заткнулась.

– Это же негигиенисьно, – пробормотал он, завороченно наблюдая за тем, как Алиса отламывает хрустящую ароматную горбушку. – Это же... – Остаток фразы он проглотил вместе с куском хлеба. Алиса протянула ему вскрытую упаковку молока.

В подъезде выше второго этажа было прохладно и даже относительно – по сравнению с другими подъездами, которые приходилось видеть Алисе, – чисто. Да, конечно, в этих шортах она уже не позволит Кирюше сидеть на диване, да и свои джинсы тоже кинет в стирку, давно пора было, – но почему бы и не устроить мини-пикник на бетонной полянке?

Что-то зашуршало у нее за спиной, за перилами, на площадке ниже. Алиса стала спешно собирать распотрошенный пакет, одновременно прислушиваясь, – не хотелось предстать перед соседями в таком несерьезном виде. Но нет, никто не шагнул по лестнице, не кашлял неловко и предупредительно, чтобы прогнать рассеявшуюся маленькую компанию. Лишь чуть шелестело, словно сквозняк гонял по шершавому полу скомканную бумагу.

И этот же сквозняк принес Алисе запах сгнивших цветов и затянутого ряской болота.

* * *

Молоко скисло к вечеру. Магазинное, из сухого порошка или еще какой дряни, – оно расщепилось на воду и какие-то мелкие сероватые хлопья. У Алисы мелькнула было мысль испечь оладьи, но ей хватило даже не глотнуть, а лишь коснуться на пробу губами, чтобы потом долго-долго отплевываться горьковато-тошнотворной мерзостью. Пакет полетел в мусорное ведро под раковину, горечь во рту залилась двумя чашками чая с сахаром и конфетой вприкуску – но какое-то неприятное ощущение тербило и волновало.

Через час из-под раковины стало отчетливо вонять. Несло густым, тугим, каким-то – липким? – запахом, какой бывает возле хорошо настоявшихся помоек. Насыщенный душок застаревшей, пропитавшей все вокруг, подминающей под себя гнили. Он полз по кухне, как живое существо, выбрасывая вперед все новые и новые щупальца вонь, щекоча ноздри и глухо отзываясь в горле подкатывающим комком. Алиса открыла форточку, но стало только хуже. Душный июльский вечер ворвался в тесную типовую клетушку, взбаламутил в ней воздух – и вонь встрепенулась, в одно мгновение заполонив собой всю кухню.

Алису затрясло от омерзения. Сцепив зубы, чтобы ненароком не стошнило, она дернула на себя дверцу под раковиной, сгребла ручку ведра в охапку – и поспешила к выходу.

– Тетьлис, вы куда? – крикнул из комнаты Кируша.

– Счс, – пробормотала она, не разжимая губ и стараясь дышать в плечо, отворачивая голову от ведра. – Счс прду!

На едином вдохе добежав до мусоропровода площадкой ниже и вывалив ведро в гнилой зев, Алиса облегченно вздохнула.

Даже стойкий запах тухлятины, который всегда стоит около мусоропроводов, показался ей в этот момент глотком свежего воздуха.

– Ничоси молочко, – сказала она ведру. – Химическое оружие какое-то.

Ведро, разумеется, не ответило.

Встав на цыпочки и вытянувшись во всей свой невысокий рост, Алиса распахнула пошире окно на площадке. Пусть сквозняком протянет немного. Все равно лампочка на этаже очень тусклая, а ниже вообще света нет – так что никакие комары не налетят.

Но стало только хуже. Откуда-то снизу пошла густая, знакомая волна вонь. Алисаглянула в зеленовато-коричневые недра давно не мытого ведра. Ох, Маринка...

Что-то зашуршало внизу – словно по шершавому полу перекатывался комок бумаги.

Алиса подхватила ведро и приготовилась шмыгнуть наверх, в квартиру. Ей не хотелось встречаться с соседями – в домашнем виде, ненакрашенная, взъерошенная, в растянутой футболке и старых шортах, она не желала показываться ни на чьи глаза.

Однако опять, как и несколькими часами раньше, на площадке никто не появился. Не зажегся алый огонек сигареты, не прошлепали ленивые шаги к мусоропроводу. Подъезд уже спал – или готовился ко сну.

Но все-таки что-то было там, в темноте этажом ниже. Что-то шевелилось, клокотало, тяжело ворочалось – и знакомо шуршало, шуршало, шелестело.

Алиса прищурилась, напрягая глаза. Пыль? Горячий летний воздух? Игра света и тени от дрожащих в июльском ночном мареве звезд? Что это?

И вдруг темнота, вся в единый миг подобравшись, уплотнившись и вытянувшись, оформилась в высокую, тонкую человекоподобную тень. Та всплеснула длинными, гнущимися в самых неожиданных местах, словно изломанными, руками, медленно провернулась вокруг своей оси – оглядываясь? потягиваясь? выжимая из себя что-то? – и стала медленно подниматься по лестнице.

Навстречу Алисе.

Каждое ее колыхание отзывалось шуршанием и шелестом, а каждый звук доносился в скорлупке запаха. Запаха гниения, болезни и смерти.

Алиса тихо пискнула.

А потом со всего размаху, не целясь, наугад, швырнула ведро в тварь – и бросилась наверх.

Поскользнувшись на ступеньке, потянув мышцу в подвернувшейся ноге, она влетела в квартиру, хлопнув дверью так, что зазвенел сервант в гостиной, и осела, тяжело дыша.

– Тетьлис? – Кирюша стоял в коридоре, сонно моргая опухшими веками.

Алиса вздрогнула, только сейчас осознав, что чуть было не натворила.

«Дома тоже пропадали», – сказал тогда Олег.

Эти несколько – три? пять? или все десять? – минут, пока она там, внизу, разговаривала с ведром, открывала окно, прислушивалась к звукам, Кирюша был один в квартире. В квартире с широко и призывно распахнутыми дверями.

– Все нормально, – зашептала она. – Все в порядке, Кирь. Иди спать. Я просто мусор выкидывала.

– А мама никогда не выкидывала вечером... – пробормотал племянник, подталкиваемый Алисой в спину. – Говорила, деньгнебуит. Тетьлис, а что такое...

Когда Кирюша засопел, причмокивая во сне и крепко прижимая к себе уже изрядно замусоленную книжку, Алиса медленно и бесшумно подошла к входной двери. Она надеялась, что та тень ей только привиделась, оказалась дурацкой игрой света и тьмы, пыли и сквозняка, – но успокоить ее могла только пустая площадка.

Она долго стояла в шаге от двери, то наклоняясь вперед, то неуверенно отодвигаясь назад. С каждой минутой растерянного промедления эпизод у мусоропровода казался ей глупым бредом, игрой уставшего и напуганного страстями про маньяка сознания, банальной куриной слепотой и классической бабской истерикой.

– У страха глаза велики! – хмыкнула Алиса и прижалась ресницами к глазку.

Гулкий удар ее сердца, казалось, разорвал барабанные перепонки, враз онемевшие ноги подкосились – и Алиса, закусив до боли губу и взмахнув руками, чтобы удержать равновесие, отпрянула.

Тень стояла там, на площадке, в паре метров от их квартиры.

Только через минуту, с трудом сдерживая дрожь, Алиса заставила себя снова прильнуть к глазку. Она была готова поверить во что угодно – что ей пора к окулисту, к невропатологу, к психиатру, в конце концов; что нужно купить капли для глаз, таблетки от нервов и дурного мозга – во что угодно, даже в собственное сумасшествие, только не в то, что происходящее реально.

Незванный гость все еще находился там – покачивался, ссутулившись и согнувшись, вытянув вдоль тела длинные тонкие руки. Наверное, он стоял к ней боком – во всяком случае, так располагались руки и именно так изгибалась спина, – но Алиса не видела профиля. Ни выступа носа, ни провала глазниц, ни линий губ – ничего, только гладкая поверхность, словно на худой шее сидело огромное черное яйцо.

В груди жгло и пекло, в висках горячо пульсировала густая кровь – но Алиса никак не могла заставить себя глотнуть кислорода. Ей казалось, что любое движение, любой звук привлечет внимание этой твари.

Так и произошло, когда измученные легкие не выдержали и с тонким свистом порвались выдохом.

Существо, словно уловив движение воздуха, медленно стало поворачиваться.

Безволосое, безглазое, безносое, безгубое – пустое и голое – лицо оказалось прямо напротив глаз Алисы.

Еще минуту лицо маячило, заняв собой весь обзор глазка, и только по мельканию световых пятен Алиса понимала, что незваный гость чуть наклоняется то вправо, то влево. Вправо-влево, влево, влево, вправо, вправо-влево, вправо, вправо, влево... Чернота перед ее взором пульсировала и перетекала, как густое варево, – вправо-влево, влево, влево, право... Краем сознания она понимала, что существо, наверное, так гипнотизирует ее, как удав кролика в старых байках, пытается выманить из квартиры или, наоборот, уговорить впустить его в дом. Но этот край сознания был способен только на мысль, на набор слов, на описание ситуации – но ни на что больше. Остальной рассудок спал, а Алиса так и стояла, прильнув к глазку, не в силах ни пошевелиться, ни сглотнуть заполнившую рот горькую вязкую слюну страха.

Существо качнулось еще раз – уже резко, отрывисто, нетерпеливо.

А потом высунуло длинный синеватый – единственный проблеск другого цвета, кроме черноты! – язык и лизнуло глазок.

Алису словно вытолкнуло из мутного, липкого, горячего сна. Судорожно втянув онемевшими ноздрями воздух, – а точнее, терпкую, кислящую на деснах, щекочущую легкие вонь тухлой воды, гнилой рыбы и перепревшей картошки, – она сделала шаг назад, даже не ощущая ног. И тупо воззрилась на дверь.

В ставшем теперь уже маленьким оконце глазка плескалась густая чернота. Она притягивала, манила – и даже смрад, который усиливался с каждой секундой, звал подойти поближе и окунуться в него, как когда-то детьми восторженно прыгали в самую глубокую и грязную уличную лужу.

Алиса неуверенно сделала еще шаг назад, не в силах оторвать взгляд от двери, не в состоянии развернуться и убежать.

И тут раздался звонок.

Громкий, особенно в тишине крепко спящего дома, он истошно трещал, визжал и переливался.

– Те-е-е-етьли-и-и-ис! – захныкал за спиной невесть откуда появившийся Кирюша.

Он стоял, закрыв уши руками, и раскачивался из стороны в сторону.

– Те-е-етьли-и-и-ис, голове бо-о-о-обольно!

– Сейчас... – растерянно забормотала Алиса, оглядываясь по сторонам. – Сейчас-сейчас...

Всю стену рядом с входной дверью закрывал самодельный шкаф-купе, сделанный, видимо, еще в нищие девяностые каким-то местным умельцем. Именно оттуда и доносилась разрывающая голову трель звонка.

Алиса притащила из кухни шаткий колченогий табурет и вскарабкалась на него. С трудом удерживая равновесие, она стала выкидывать с антресолей пустые обувные коробки, какие-то тряпки, старые резиновые перчатки – весь тот мусор, что копится годами до первого же переезда, затем любовно пакуется «на всякий случай» и в итоге остается единственным, что достигает нового места жительства без потерь.

Наконец она добралась до дребезжащей (казалось, что та даже ходит ходуном) белой коробочки и, вцепившись, рванула на себя. Трель захлебнулась, из распотрошенной дырки в стене расщеперились разноцветные проводки.

– Ну вот и все, – тяжело дыша, сказала Алиса Кирюше. Сама она не очень верила этим словам, но упорно повторила: – Ну вот и все.

Тот отнял руки от ушей и улыбнулся.

– Ура! – тоненько пропел он. – Тетьлис, вы победили его!

– Давай-давай, – она легонько подтолкнула его к комнате. – Иди ложись спать.

Обнимая мирно посапывающего Кирюшу, она прислушивалась к звукам за дверью. Что-то шуршало там, в полумраке. Шуршало негромко, отрывисто, с паузами.

Только под утро она поняла, что это было.

Кто-то упорно продолжал нажимать на кнопку теперь уже немного звонка.

* * *

Все стихло с первыми утренними лучами.

Выводя Кирилла на прогулку – уж слишком страшно было теперь оставаться в квартире, хотелось оказаться под жарким солнцем, затеряться среди людей, – Алиса долго не решалась открыть дверь.

Но когда она это сделала, то увидела на пороге мусорное ведро.

От него несло болотом и гнилью.

Когда Алиса рассказала Олегу о ночном госте, тот только пожал плечами.

– Шпана балуется, – зло ответил и сплюнул на землю. – Раньше вообще звонили в полицию и прикидывались маньяком. Но потом один папаша в парке пошел отлить под дерево и услышал этот погорелый театр.

Он хмыкнул.

– Пацану повезло, отделался парой сломанных ребер и фингалом под глазом. Ну еще и ухо надорвал, пока в отдел его волок.

– Так это вы были?

– Угу, – кивнул Олег. – Попутно пригрозил, что в следующий раз там же под деревом и закопаю. И свалю все на маньяка.

Он вздохнул, резко погрузнев.

– Конечно, мне в отделе вставили по первое число. Мол, нельзя заниматься самоуправством, могу схлопотать хулиганство, нанесение телесных и прочее. И этот же гад еще и подхихикивал! – Олег со злостью ударил кулаком по скамейке – настроение у него менялось мгновенно.

– Вы думаете, что это кто-нибудь из них?

– Ну а кто еще? – Он пожал плечами. – Старая забава. Еще звонки поджигают, да. И кнопки в лифтах. Никогда не сталкивались, что ли?

Алисе стало стыдно. За свою панику, за то, что накрутила себя и не смогла успокоить Кирюшу, за то, что оказалась истеричной подслеповатой дурой...

Колобок, уже привычно прогуливающийся по аллее, помахал им рукой и сунул Алисе листовку. Скользя рассеянным взглядом по предложению косметики, она выбросила ее в стоящую рядом урну.

– Можете последить за Тасей? – вдруг попросил Олег, ощупывая свои карманы. – У меня сигареты кончились, а я стараюсь при ней не курить – ну и не покупать. Не учу дурному типа.

Алиса усмехнулась от этой какой-то милой наивности.

– С одним условием, – шутливо ответила она. – Перейти на «ты».

– Я женат, – неожиданно серьезно ответил он, прекратив хлопать по карманам. – Вы... ты... помните это?

Алисе опять стало стыдно.

– Все в порядке, – она постаралась скрыть неловкость. – Это просто «ты». Ну, дружеское. У меня у самой жених, – соврала она на всякий случай.

– А, ладно, – расплылся в улыбке Олег. – Просто у меня Дашка ревнивая. Не без повода – грешен, да, было дело, – картинно потупился он. – Но теперь ни-ни. Как Тася родилась – все, как отрезало.

– Типа примерный семьянин? – пошутила Алиса.

– Не, без типа, – мотнул он головой. – В общем, я сейчас вернусь. Пять минут.

Алиса с улыбкой проводила удаляющуюся спину Олега взглядом. Забавный мужик. Не без странностей, да: то милый-добрый тьюфак, то какой-то бешеный зверь, но кто нынче без странностей? Хотя жить с таким она бы не рискнула, кто знает, в какой момент его переключит.

Но с другой стороны – жене верен, говорит о ней с нежностью и юмором, дочку тоже вон как любит, трогательно заботится о ее моральном облике...

Стоп!

А где Тася?

Сердце Алисы замерло – а потом заколотилось так, будто хотело проломить грудную клетку. Девочки нигде не было. Только Кирюша, подперев кулачками подбородок, рассматривал какого-то жука на газоне.

– Тася! – крикнула она срывающимся голосом. – Тася!

Тетка на соседней лавочке вздрогнула, подозвала к себе катающегося на трехколесном велосипеде мальчишку и быстрым шагом заторопилась прочь.

– Кирюш! – Алиса схватила племянника за плечи и затрясла его. – Где Тася? Вы же вместе были?

– Она с дядей пошла, – удивленно ответил Кирюша, с трудом отвлекаясь от жука.

– С каким дядей? С дядей Олегом?

– Нет. С незнакомым. Он сказал, что папа просит ее помочь покупки донести.

– Но как? Мы же говорили вам – ни с кем не ходить!

– Да Тася и не хотела. А дядя сказал, что тогда ему придется сказать ее папе, что ту большую куклу, которую он купил, придется обратно вернуть продавщице. Потому что Тасин папа ее один не донесет.

Алиса похолодела от этой глупой, но такой действенной лжи.

– А... ты? – хрипло спросила она.

– А меня не звали, – пожал Кирюша плечами. – Да мне все равно куклы не нравятся.

Алиса выпустила племянника и обхватила голову руками. Ей хотелось кататься по земле и выть от ужаса – не усмотрела, упустила, потеряла девочку! Милую, пухленькую, молчаливую Тасю! Господи, та даже не могла позвать на помощь!

– Олег! – завопила Алиса в отчаянном призыве. – Олег!

Она озиралась вокруг, ощупывая взглядом кусты, лавочки, людей, – ведь ребенок не может исчезнуть бесследно? Он не может просто взять и пропасть, словно его унесла какая-то птица? Она вздернула лицо к небу, точно проверяя это, – но безжалостное июльское солнце только ослепило, затянув весь мир обжигающе-белой пеленой.

– Тася! – голос сорвался на дребезжащий визг.

Алиса моргала и терла глаза, дергая головой и втягивая через сцепленные зубы сухой колючий воздух. Только через минуту зрение – слабое, неверное, мутное – вернулось к ней.

И сквозь застилающее все слезы Алиса увидела его.

Невысокий сутулый мужчина в потертых джинсах и клетчатой рубашке навывпуск куда-то спешил по соседней аллее неровным, прихрамывающим шагом. Его рука крепко сжимала тонкую кисть покорно семенящей за ним рыжей девчушки.

– Тася! – закричала Алиса, схватив Кирилла за локоть и таща за собой, как на буксире. – Тася!

Девочка остановилась и оглянулась. На пухлых губах гуляла растерянная улыбка.

– Тася, стой! – потребовала Алиса.

Мужчина оглянулся и побледнел. На его лбу блестели капельки пота, толстые стекла очков запотели. Он начал затравленно озираться, все еще не выпуская руку девочки, и медленно, маленькими шажочками продвигался куда-то к кустам.

Олег выскочил откуда-то из-за Алисиной спины и, издав дикий рев, налетел на мужика, сбив с ног ударом плеча в грудь, а потом стал остервенело пинать ногами.

Мужик булькал, пытался подняться – но Олег одним ударом снова валил его на землю и продолжал избивать, жестоко, бешено, исступленно. На его губах выступила пена, он рычал что-то неразборчивое и скрежетал зубами. Алису трясло – то ли от остаточного страха за Тасю, то ли от ужаса перед яростным существом, в которое превратился на ее глазах Олег.

Через пару минут подбежали два крепких парня в форме, оттащили Олега и брезгливо подняли мужика. Тот выплевывал сгустки крови и выбитые зубы, правая рука у него безвольно повисла, пальцы на левой скрючились в совершенно невозможных направлениях, ноги подгибались – ему крепко досталось.

Тася стояла, засунув пальчик в рот, и растерянно улыбалась.

* * *

Вечером Алиса набрала номер Олега. Ей хотелось услышать, что все – маньяк пойман и кошмар теперь прекратится. Ведь тогда Олега вместе с мужиком и Тасей отправили в полицию, а она увела так и не успевшего испугаться Кириюшу домой.

Трубку долго не брали.

– Да, – послышался наконец раздраженный голос Олега.

– Ну как? – робко спросила она. – Кто это?

– Да дрочер какой-то! – зло буркнул Олег.

– Как так... – упавшим голосом переспросила Алиса. Неужели... неужели они ошиблись?

– А вот так! У него билет на поезд с собой, он только сегодня из Москвы приехал. Он вообще не местный, понимаешь? Ему как объяснили, во что он вляпался и что ему сейчас все эти дела с детьми пришьют, он и обоссался. Натурально, в штаны напрудил. Дрочер это. Берет неделю за свой счет и едет в какое-нибудь захолустье. А там детям в кустах свой стручок показывает и полирует его от счастья.

– Фу, дрянь какая...

– Угу... Ладно, я сейчас занят. Мне еще объяснительную писать. Тьфу, тля!

Алиса сунула телефон в карман и сжала пальцами виски.

Ну как же так!

– По-том-приш-ла-ля-гу-ахх, – сонно пробормотал в соседней комнате Кириюша.

Вечером племянник все-таки домучил книжку, вырвав из нее трынделку, – и заснул, сжимая в руках пластиковую коробочку. Каждый раз, когда он дергал руками или резко переворачивался с боку на бок, та снова заводила песенку про тяжелую долю кузнечика; правда, теперь полуразряженные батарейки превратили ее в злоешие потусторонние завывания.

– Зье-е-е-елаа-а-аагыхррр, – как бы в ответ на Алисины мысли подала голос коробочка.

Кирюша зачмокал во сне губами.

* * *

Свет вырубился внезапно – Алиса от неожиданности подскочила, чуть не сбросив с себя книгу.

Квартира погрузилась в густую, плотную темноту. И так чужой, дом враз стал враждебным и угрожающим.

Алиса зашарила рукой по тумбочке, ища телефон, поставленный на зарядку полчаса назад. Однако еще до того, как она нащупала его, тот угрожающе тренькнул, оповещая, что находится на последнем издыхании. Черт! Алиса от досады выругалась. Она же забыла отключить Интернет и браузер, и те пожирала и так полумертвую старую батарею, выводя зарядку в ноль!

Осторожно, держась за стены, шаркая ногами, как лыжник, и стараясь не споткнуться – она вдобавок привыкла к местным широким плитусам, – Алиса прошла на кухню. Там, вытянув руку, она вслепую зашарила по столешнице. Где-то лежали спички, точнее должны были лежать – Алиса бросила коробок куда-то сюда, по привычке, как обычно бросала дома. Пальцы наткнулись на какую-то банку, потом, кажется, на разделочную доску (в памяти Алисы возникли смутные образы сегодняшнего ужина, но она не была вполне в них уверена), затем на графин с водой, а потом толкнули что-то металлическое, холодное и скользкое, секундой позже забренчавшее об пол.

Алиса замерла, прислушиваясь к звукам в квартире, – не хватало еще разбудить Кирюшу!

Через минуту рысканья коробок все-таки был найден, щелкнули выключатели конфорок – и пространство над плитой озарилось холодным синеватым светом.

Конечно, от него было мало толку – скорее, из-за него в углах словно скопилась и закрубилась мутная черная тьма, – но все равно, даже с таким призрачным светом было как-то спокойнее и теплее.

Через пятнадцать минут неподвижного ожидания на кухне Алиса осторожно приоткрыла входную дверь и выглянула на площадку.

Там царила густая, плотная, неподвижная тишина. Непроглядная тьма словно сдавила все звуки, придушила их, умертвила. Откуда-то – наверное, от мусоропровода – вязко тянуло прогорклой кашей.

Алиса нажала на кнопку звонка соседней квартиры и, только не услышав трель, сообщила, что тот, разумеется, не работает. Она постучала, потом еще и еще – не решаясь барабанить за полночь. Из-за двери не отвечали.

Алиса вздохнула и посмотрела на другой конец площадки. Где-то там, во мраке, находились еще две квартиры, в которых ей, возможно, могли ответить. Но стоят ли эти ответы путешествия на ту сторону тьмы?

Осторожно, выставляя ногу и нащупывая пол – мало ли что там могло валяться или быть разлито? – Алиса стала продвигаться вперед. Проходя мимо лестницы, она бросила взгляды вверх и вниз – туда, где должны были находиться окна, в надежде увидеть свет других подъездов или хотя бы звезды, но ничего. Там царила такая же плотная, непроницаемая тьма.

– Кто там? – настороженно спросил из-за двери сонный женский голос.

- Соседка, – ответила Алиса. – У вас тоже света нет?
- Кто? – Видимо, хозяйка квартиры пыталась разглядеть, кто стоит за дверью.
- Соседка я. Сестра Марины. Из сорок шестой.
- А, – неопределенно ответили из-за двери.
- У вас тоже света нет?
- Нет.
- И... как долго не будет?
- Откуда мне знать? Звоните в аварийку, если так волнует.
- А какой теле... – Громкое шарканье удаляющихся шагов не дало Алисе договорить. Она вздохнула. Ну вот. А говорили, что в маленьких городках все друг другу помогают.

Вернувшись в квартиру, она с тяжелым сердцем медленно, одну за одной, потушила все конфорки. Она бы с большим удовольствием так и осталась сидеть здесь, на кухне, наблюдая за этими неверными синими огоньками – какой-никакой да свет! – но прекрасно понимала, что рано или поздно ее одолеет сон. И не дай бог, погаснет какая-нибудь из конфорок! Ее воображение слишком хорошо живописало все ужасы последствий взрыва газа или картины мирно угоревших трупов, чтобы заставить Алису согласиться на темноту.

И она согласилась.

Затем на ощупь, пару раз все-таки запнувшись о плинтус и больно приложившись локтем об угол, она добралась до своей комнаты, порадовавшись что успела расстелить диван до того, как угнездиться на нем с книгой.

И тут в дверь поскреблись. Тихо-тихо. Вкрадчиво. Просительно.

Алиса прислушалась.

Скреб повторился.

Это не было похоже на то, как пытаются подобрать ключ, вставляя болванки в замочную скважину, нет. И на то, как царапают дверь, чтобы начертить на ней что-то неприличное, – тоже нет. Это было скрежетание живого о неживое. Кто-то – кто-то! – очень хотел попасть в эту квартиру и заявлял о своем намерении.

Алиса вжалась в угол дивана, свернувшись калачиком и натянув вторую простыню, служившую одеялом, практически до глаз.

«Скреб-скреб...» – снова вкрадчиво и в то же время требовательно донеслось от двери.

Может быть, кошка? Да-да, конечно же! Кошка! Кто-то впустил ее в подъезд – или же, наоборот, она выскочила из какой-то из квартир, пока хозяйка выносила мусор, – и теперь ищет, где бы притулиться.

Алиса с облегчением вздохнула. Она бы даже рассмеялась – если бы не боялась разбудить Кирюшу.

«Скреб-скреб».

Будь свет, она бы даже и открыла дверь, приютила кошака хотя бы на ночь, но...

«Скре-е-е-еб», – на этот раз скрежет был долгим, невозможно долгим. Словно кто-то вел когтями от самого верха двери до самого низа.

И это точно была не кошка.

Алиса откинула простыню и на негнущихся, враз ставших ватными ногах проковыляла к двери. Если бы не Кирюша, она бы и шагу не сделала.

– Кто там? – спросила она неожиданно осипшим голосом.

– Соседка, – прошелестели в ответ. – У вас тоже света нет?

Алиса протянула руку, чтобы открыть задвижку: уж она-то будет повоспитаннее этой грубиянки из сорок седьмой! Ее пальцы коснулись металла – странно теплого, почти горячего.

– Соседка я... – повторили на площадке.

– Да, сейчас... – задвижка не поддавалась, и Алиса, поднатужившись, потянула дверь чуть вверх. В ноздри ударил запах мокрой бумаги, гнилой травы и скисшего борща.

– Сестра Марины...

Алиса вздрогнула. Пальцы соскользнули с задвижки.

– Из сорок шестой...

Алиса, затаив дыхание, сделала шаг назад. Сердце гулко колотилось где-то в горле, пульсировало в висках.

– У вас тоже света нет?

Она сделала еще шаг, потом еще и еще – пока не прижалась спиной к стене. А затем медленно сползла на пол, не отрывая взгляда от того места в плотной черноте, где должна была находиться дверь.

– И... как долго не будет? – То, что стояло там, старательно выговаривало фразы, подражая Алисе даже в паузах.

– А какой теле...

Алиса разрыдалась.

Она сидела на полу, обхватив плечи руками, трясась мелкой дрожью и беззвучно – от ужаса перехватывало горло – рыдала.

А в дверь все скреблись и скреблись, повторяя по кругу одни и те же запомнившиеся фразы.

* * *

Кирюша нашел ее рано утром, свернувшуюся в клубок и тупо уставившуюся на входную дверь.

Ему пришлось долго трясти ее за плечо, дергать за нос и щипать за уши, прежде чем она стала говорить. К счастью, он был слишком мал, чтобы испугаться ее невидящего взгляда или трясущихся губ.

– Тетлис, вы плюнули, – сказал он, вытирая пальцем струйку слюны, стекающую у нее из уголка рта.

Наверное, именно это невинное и такое простое действие привело ее в чувство вернее, чем любые биения по щекам или уговоры. Алиса моргнула. Мысли, которые пребывали в мертвенном оцепенении, зашевелились – словно капля воды упала на высохшую землю.

– Да-да, Киюшь, – пробормотала она, еле двигая онемевшим языком. – Да-да, я пьесто уснула.

Как только она более-менее пришла в себя – то есть перестала заикаться, трястись и вздрагивать от каждого звука, – то позвонила Олегу.

Первые два раза она так и не дождалась ответа, а на третий звонок был сброшен.

«У меня Дашка ревнивая», – вспомнила она.

Четвертую попытку Алиса делать не стала.

– Тетьлис, – Кирюша переминался с ноги на ногу. – Тетьлис, мы когда гулять пойдем?

Алиса перевела на него невидящие глаза.

– Сейчас, – хрипло ответила она. – Пять минут. Пока собери игрушки.

Нож она выбирала тщательно, перебирая пальцами по лезвию и взвешивая на руке. Тесак не пойдет. Конечно, он удобен – наверное, удобен, ведь ей еще никогда не приходилось рубить или резать человека, – но его никак не спрятать ни в сумочке, ни тем более в кармане. Алиса уже видела воочию, как за ней по пятам идет маньяк-детоубийца, – и так же воочию представляла, как она будет наносить ему удар за ударом, удар за ударом... Нож для рыбы? Он легкий, да... Но слишком длинное и тонкое лезвие, тяжело спрятать, порвет ткань. Да и при ударе может сломаться... Ее не смущало то, что она не могла заставить себя даже бросить в кипящую воду живых раков или отчекрыжить голову свежепойманной рыбе, – этот выбор ножей был скорее ритуалом, нежели действительно подбором оружия, но она об этом не задумывалась.

Наконец, Алиса остановилась на небольшом универсальном ножике, судя по всему, самом старом из всех на этой кухне. Его потемневшая от времени и вспучившаяся от воды деревянная ручка удобно легла в ладонь, а источенное лезвие остро блеснуло – и Алиса сделала несколько колющих движений, от живота вверх.

– Тетли-и-ис! – прокричал из коридора Кирюша.

– Ща-ас! – отозвалась она, аккуратно заворачивая лезвие в старую газету.

Одеваясь на прогулку, Кирюша что-то весело щебетал, не выпуская из рук полюбившуюся музыкальную коробочку. Алиса автоматически натянула на него джинсовые шорты и какую-то розовую майку, подозрительно похожую на одну из Маринкиных. Но племянник не возражал.

Мятая и невыспавшаяся соседка из сорок седьмой, стоя на пороге квартиры, громко ругалась на кого-то, провонявшего всю площадку прелой ветошью и гнилыми овощами.

* * *

Колобок, неловко покачиваясь и рыгая протухшим пивом, сунул ей листовку. Алиса тупо воззрилась на красочное приглашение на новогоднюю елку. Ее мысли были заняты совершенно иным. Что-то тяжело ворочалось в них, вызывая смутный страх и нехорошие подозрения.

«Олег», – вдруг всплыло на поверхности этой мысленной глины.

«Олег», – вылепился и оформился голем осознания.

Не может быть.

Алиса похолодела. По спине побежали мурашки, листовка выскользнула из вспотевших ладоней.

Олег!

Вот откуда он так хорошо знает все эти истории – вплоть до мелочей. И дело вовсе не в маленьком городке и слухах, нет... Олег! Это он – тот самый маньяк! Он втерся в доверие, заболтал, обаял – и все это время подкрадывался к ней, чтобы украсть Кирюшу!

А Тася? Кто такая Тася? Действительно ли это его дочь – или просто несчастный украденный когда-то ребенок? Девочка не разговаривает – и может быть, дело не в стеснении, а в шоке? Отрезанном языке?

Зато какая психологическая ловушка! Одиноким мужчиной с ребенком! Любая дама растает от умиления и нежности, ослепленная пухлощекиным карапузом... И нет никакой ревнивой Даши. Просто он не хочет привязываться к потенциальным жертвам!

Алису затрясло.

Нужно срочно бежать в полицию! Хватать Кирюшу, бежать в полицию – и просить, умолять, чтобы им дали пересидеть где-нибудь, пока Олега не поймают. Где угодно, даже

в пустом кабинете, она как-нибудь заболтает и уговорит Кирюшу, что это всего лишь такая игра!

Она повернулась к племяннику, который сосредоточенно расковыривал находящуюся уже на последнем издыхании музыкальную коробочку...

...пять минут назад сосредоточенно расковыривал.

– Кирюша! – истошно завопила Алиса, тупо глядя на одиноко валявшуюся на песке палочку.

– Кирю-ю-ю-ю-ша!!

Она металась по дорожкам парка, спотыкаясь, падая, поднимаясь вновь, отплевываясь залепившим лицо и смешивающимся с кровью из расцарапанных щек песком.

Матери созывали к себе детей, хватали за руки, прижимали к груди – и провожали ее взглядами, в которых смешивался ужас и тайное облегчение: не их. Не они. В этот раз – не они. Уйди-уйди, беда, минуй нас, перейди на других.

– Кирюшагхррр! – Осипший голос срывался.

Язык онемел, прикушенный клацавшими зубами, губы еле шевелились. Она нарежала круги, снова и снова возвращаясь к тому месту, где так страшно и внезапно потеряла ребенка, – в надежде, что тот всего лишь опрометчиво отошел в кустики или погнался за голубем и вот-вот вернется, с виноватым видом и растерянный.

Но нет.

Только пустой песок, взрытый ее шагами.

– Та-та, та-та, та-та-та! – вдруг знакомо пропиликало в кустах.

Алиса, обдирая руки и не обращая внимания на хлеставшие по лицу ветки, бросилась на звук. И издала вопль отчаяния и боли, когда поняла, что ошиблась.

В кустах копошился давешний колобок. Он стоял спиной к Алисе, неуклюже расставив короткие толстые ноги, суча руками где-то в районе паха. Воняло застарелой мочой, спертым потом и перегноем.

Алиса стыдливо отвела взгляд, автоматически бормоча какие-то извинения.

– Пред-ставь-те-се-бе-пред-ставь-те-се-бе, – вдруг пропиликало из-за... из?.. колобка.

Алиса застыла в ужасе, не веря своим ушам. Перед глазами пролетели самые страшные картинки – изнасилованный, изуродованный, расчлененный Кирюша – горло свело каменной судорогой, ноги подкосились, но уже через секунду она метнулась к колобку, оббежала...

...и замерла, с хрипом сглатывая вязкую, внезапно ставшей обжигающе горячей слюну.

Нарисованное лицо с круглыми глазами и бездумно ослабившимся ртом исказилось, расплылось, потекло. Огромное круглое туловище было разорвано, прорезано, взрыто чем-то раскрытым, разъявленным, напоминающим мокнущую язву или гниющую вагину. Оттуда смердело гнилью, плесенью, болезнью, смертью – всем тем, что преследовало Алису эти дни. А еще оттуда торчали дергающиеся детские ножки.

– По-то-м приш-ла ля-гу-у-у-ухррррр, – простонало из колобка.

По разрыву пробежала мелкая рябь, и с глухим чмоканием он затянулся. Алисе снова зловеще улыбалась бесстрастная рожа.

Взвизгнув, Алиса выхватила из сумки нож, резким движением стряхнула импровизированные газетные ножны – и нанесла удар. От живота вверх.

Колобок взвыл. Визгливо, пронзительно, не по-человечески.

– Аааа! – заорала ему в ответ Алиса и снова ударила ножом.

Вой сменился на клекот.

Колобок замахал руками, и в воздух веером взлетели листовки. Разноцветные, разного размера, из разных магазинов и салонов; старые и новые, кое-где просто пустые белые листы бумаги, они осыпали Алису шуршащим, острым, болезненно царапающим дождем.

Алиса ударила еще и еще. Еще и еще. От живота вверх, вспарывая упругое нечто.

Костюм – это же костюм, да? костюм? это же не может быть не... – с хрустом разошелся. Алиса ожидала чего угодно – пороллона, мятых тряпок, – но только не волны густой, комковатой слизи, которая выплеснулась из разреза и окатила ей ноги.

Лодыжки дико защипало, словно на них попала кислота. Алиса отскочила назад, держа нож в занесенной руке и не в состоянии отвести взгляд от разреза.

Где копошилось что-то розовато-синее и откуда доносилась песенка про кузнечика.

А еще через минуту она завопила и бросилась голыми руками вычерпывать, вытягивать, доставать это розовато-синее.

Ее схватили за плечи крепкие мужские руки, оттаскивая назад, а она упиралась, вырывалась, но в конце концов не удержалась на ногах и повалилась навзничь. Сразу стали выворачивать кисть, пытаясь выхватить нож, и ей показалось, что перед глазами мелькнуло искаженное ужасом и удивлением лицо Олега, но тут же затерялось среди других, чужих, но не менее напуганных.

– Там! – набрав воздух в легкие, заорала она, семеня ногами. – Там! Ки-и-ирию...

Воздуха не хватило, и она закашлялась, пытаясь всем телом – руками, ногами, подбородком – указать в сторону чудовища.

Видимо, кто-то проследил глазами или случайно бросил взгляд, а может быть, и опрометчиво кинулся помогать той твари – потому что раздался дикий, отчаянный вопль.

Руки, держащие Алису, разжались.

Она прижимала к себе всхлипывающего Кирюшу, перебирая пальцами, торопливо снимала с него едкую, жгущуюся слизь – а перед ней мужики руками, ногами и палками били, колотили, мутузили, мяли тварь, когда-то прикидывавшуюся рекламным колобком, поднимали брызги крови, слизи, раскидывали ошметки плоти.

Тело твари уже сдулось и обвисло, разверзшись, как диковинный, сочащийся вонючими соками, пульсирующий кожистый цветок. Его требуха вывернулась на траву, переминаясь с замусоленными тряпичными лохмотьями, пластмассовыми кругляшками пуговиц и молочно-белыми, словно фарфоровыми, косточками, нестерпимо маленькими и тонкими, от взгляда на которые горько щемило сердце.

Какой-то мужчина, издав истошный вопль боли, прижимал к груди что-то до невозможности изуродованное и неузнаваемое. Из его горстей свисало длинное, сизо-багровое, гибкое, как щупальце, бескостное, с изъеденным, словно кислотой, зеленым сандаликом на конце. Мужчина выл и раскачивался, целуя свою жуткую ношу, вымазывая лицо в слизи и крови.

Вдруг из смердящей кучи вырвалась черная, тонкопалая, гибкая тень.

– Соседка я!... – раздался из ее глубин визг.

Тень металась в тесном кругу, вздымая руки вверх то ли в отчаянии, то ли в жесте поражения, то ли в последней молитве своему жуткому кровожадному богу.

Менялись голоса, утекали в небо вместе с удушающим гниlostным смрадом фразы:

– Открой... Мама пришла... Ключи забыла... Я тебе что-то дам... Когда свет будет...

Толпа мужчин – как единый организм, как многорукое, десятиглавое существо из старых мифов – молча и синхронно двигалась, поднимая руки и опуская их с утробным вздохом. Что-то хрипело и хлюпало у их ног, чавкало и хрустело, а люди убивали эти звуки, убивали

то, что породило их, убивали упорно и упрямо, в тяжелом, мертвом молчании. Они вершили свой страшный суд – и никто не мог им помешать.

– А лягушке брюшко зашьют? – вдруг спросил Кирюша.
Алиса не ответила.

Анатолий Уманский

Америка

Колоши напали зимним утром, когда над стенами форта забрезжил серый рассвет, а часовые, грезившие о теплых постелях, сделались невнимательны. Бесшумно ступая по мягкому снегу, возникли из леса звероголовые тени и, крадучись, припустили к бревенчатой стене крепости.

Сонную тишину нарушил свист, и в глазу одного из часовых внезапно выросло дрожащее древко стрелы. Он рухнул со стены, однако, падая, успел нажать на спусковой крючок винтовки, и треск выстрела немедленно привел в чувство остальных. Звонко грянул набатный колокол, разразились лаем собаки, и, когда индейцы выскочили из-за деревьев и бросились к стенам форта, их встретил мощный ружейный залп со стен и блокгаузов.

Колоши, в отличие от всех прочих туземцев, обращались с ружьями ничуть не хуже русских стрелков и превосходно владели луками; воины, укрывшиеся за деревьями, обрушили на защитников форта град стрел и немало проредили их ряды. В ответ рывкнули хором пушки, и ядра с воем полетели в лес. На миг наступила оглушающая тишина, а потом раздался рев и к небу взметнулись четыре столба земли вперемешку с тающим снегом. Сосны с треском рушились наземь, некоторые занялись пламенем, но гул огня заглушили дикие вопли индейцев.

Тем временем ударный отряд уже забрасывал на частокол веревки с длинными крючьями. Индейцы с кошачьей ловкостью полезли вверх. Русские, не успевая перезаряжать винтовки, били нападающих прикладами в скрытые звериными масками лица, кололи штыками, пытаясь пробить их легкие деревянные доспехи, сбрасывали со стен и тут же валились сами, сраженные стрелами и пулями.

К тому времени, как из казарм подоспели оставшиеся офицеры, индейцы уже расправились с последним часовым. Они влезали на стены и сыпались во двор, размахивая винтовками, копьями и топорами.

Из домов, кто в чем был, уже бежали с ружьями промысловики и алеуты. По прищельцам открыли огонь, и тут уже краснокожим пришлось несладко: пули с легкостью пробивали их деревянные панцири. Индейцы падали и корчились, пятная кровью утоптаный снег, но некоторые все равно остервенело ползли вперед. Избежавшие пуль воины врезались в защитников форта, некоторые тут же с воем повисли на штыках, боевые топоры и тяжелые палицы разили направо и налево, рассекая шеи, раскраивая черепа.

А потом немногие уцелевшие индейцы обратились в бегство. С невероятным проворством добежали они до стен и, взобравшись на них, исчезали за частоколом. Однако за время, что потребовалось им на это, они успели услышать от победителей немало слов, значения которых, на свое счастье, все равно не поняли.

Это было уже второе нападение дикарей, и оно оказалось гораздо успешнее первого, когда колошам не позволили даже подойти к стенам крепости. Нынешним же утром жизнь всех ее обитателей висела на волоске. Угрюмое серое небо постепенно светлело, наливаясь нежным, стыдливым румянцем, но людям, что бродили среди раненых и умирающих, пытаясь определить, кому еще можно помочь, было не до красот. Глухо и страшно были потерявшие мужей бабы.

Осип Уваров, помощник коменданта крепости Белкина и один из лучших охотников в поселении, вместе со всеми бродил среди распростертых тел, когда почувствовал, как его схватили за ногу. Обернувшись, увидел раненого индейца; удерживая охотника за ногу,

дикарь уставился на него черными, ничего не выражающими глазами, а потом вдруг раскрыл рот и вцепился зубами ему в сапог.

Уваров на мгновение помертвел лицом, а потом перехватил ружье за ствол и со всей силы обрушил приклад на черноволосую, украшенную перьями голову. Послышался гулкий стук, и индеец захрипел. Охотник поднял ружье и ударил снова, потом еще раз, и еще... Окружающие смотрели на эту расправу мрачно, но без осуждения. Все знали, что у Уварова полгода назад умерла жена, оставив на его попечении грудного сына; знали также, что колоши, захвати они крепость, расправились бы с детьми не менее жестоко, чем со взрослыми. Все понимали ярость Уварова.

Уваров бил прикладом снова и снова. Глухой стук сменился хрустом, хруст – чавканьем. Наконец, охотник отбросил ружье и сел на землю, спрятав лицо в мозолистых ладонях.

Появился сам комендант, рослый и подтянутый, с русской бородой и мрачными голубыми глазами. Окинул взглядом побоище и распорядился коротко:

– Мертвых снести на ледник. Раненых – в лазарет. Дикарей сжечь.

После чего подошел к Уварову, положил руку ему на плечо и тихо промолвил:

– Ванятка-то твой, верно, ревет: как там батька, жив ли?

– Ревет, непременно ревет, – отозвался Уваров, поднимая голову и глядя на коменданта слезящимися глазами. – Он последнее время вообще частенько ревет: зуб у него, вишь ты, режется! – Тут охотник даже нашел в себе силы улыбнуться, но потом взглянул на распростертое у своих ног тело дикаря с обезображенной головой и вновь помрачнел: – Сниматься нам надо, Лександр Сергеевич. Нехристи эти не уймутся, пока всех нас не перережут, как курей. Вон, михайловские...

Белкин сжал пальцы в кулаки:

– За михайловских еще ответят! Говорят, Баранов карательную экспедицию снаряжает. Отгулялись колоши.

Уваров продолжал:

– Оружие, шкуры, провизию – сегодня же надобно снести на лодки...

– Как прикажешь это сделать? – спросил Белкин. – Море замерзло. Застряли мы тут, братец Осип.

Мимо прошли двое дюжих алеутов с носилками, на которых лежал неподвижно офицер с разбитым черепом. Белкин поскорее отвернулся, чтобы не видеть стеклянных глаз на свинцовом, в алых потеках лице. Уваров перекрестился.

– Упокой Господи душу раба Твоего... – сказал он. – Нет, Лександр Сергеевич, иного выхода я не вижу. Сколько у нас здоровых мужиков-то осталось? Человек пятнадцать наших да две дюжины алеутов. А этих раз в два поболее будет. Как лед тронется, так надо отчаливать.

* * *

Тела колошей свалили на кучу дров в центре двора, и угрюмый алеутский охотник подпалил их длинным факелом. Трупы вспыхнули сразу, но горели медленно, распространяя вокруг удушливый запах паленого мяса с примесью жженой охры, коей индейцы имели обыкновение натираться с головы до ног. На краю селения могильщики-добровольцы заранее рыли могилы для павших товарищей, морщась от вони и кляня мерзлую землю. Сизый дым косым столбом уходил в безоблачное голубое небо, и Белкин, наблюдавший за всем в окно своего кабинета, задавался вопросом, видят ли этот дым индейцы, и доносит ли до них ветер запах горящей плоти их погибших собратьев.

Если да, то ярость их, наверное, безгранична. Новое нападение неизбежно, и как знать, чем оно закончится? Но если и в следующий раз отразят, индейцы нападут снова... О, проклятым дикарям не занимать терпения, ненавидеть они умеют.

Он помнил разорение Михайловской крепости, помнил и страшную участь замечательного охотника Василия Кочесова, которого в свое время хорошо знал сам, – от него, живого, индейцы отрезали куски и заставляли есть их под радостный смех своих обезображенных детей и женщин. А ведь Михайловская крепость была куда больше их маленького форта!

Одно утешение – семьей за тридцать пять лет жизни комендант так и не обзавелся. За родных бояться не надо, да и вдову с сиротами, ежели что, не оставит.

Большинство же промышленников были люди простые, не обремененные излишней моралью; они вовсю сожительствова­ли с алеутками, иные (к великому отчаянию проводившего в крепости службы иеромонаха Анисия) располагали целым гаремом. Однако некоторые успели уже обзавестись детьми, а были и такие, кто сочетался с туземками законным браком. Не красавицы, зато верные да работающие – большего мужику и не надобно.

Кто же мог знать, что индейцы на русских войной пойдут? И нету теперь мужикам ни сна ни покоя: добро бы лишь за себя боялись...

Нет, думал он, промысел для нас и впрямь окончен, придется это признать.

Но как продержаться до того, как расколется лед? Не исключено, что к этому времени живых в крепости не останется...

Белкин заходил по кабинету, ероша обеими руками волосы.

В дверь постучали.

– Войдите! – раздраженно бросил он.

Вошел штаб-лекарь Михель – высокий худощавый мужчина средних лет, с соломенными волосами до плеч и длинным гладковыбритым лицом. Одет он был в довольно старомодный черный камзол с белоснежными манжетами, каковые в суровой обстановке форта казались совершенно неуместными. Он сцепил длинные тонкие пальцы на животе и коротко поклонился.

– Ах, это вы, Отто Францевич! – сказал Белкин. – Вы разве не должны быть сейчас в лазарете?

Михеля он не любил. Дело свое тот разумел превосходно, но отличался скверным характером; поговаривали вдобавок, что еще со студенческих лет обзавелся он привычкой глушить хандру стопкой медицинского спирта, иногда и не одной. Белкин подозревал, что именно поэтому доктор проглядел в свое время жену Уварова, однако с самим Уваровым своими догадками не делился: чего доброго, пристрелит немца, норв у него...

– В лазарете мне делать нечего, – мрачно ответил врач, расцепив пальцы и тут же заложив руки за спину. – Эти бестии знатные рубаки. Тут не я, тут отец Анисий нужен. Однако ж я к вам по делу. Полагаю, вы, как и я, раздумывали сейчас над положением, в котором мы оказались?

– Именно так, – подтвердил Белкин.

– И что же вы решили?

– Когда расколется лед, возьмем лодки, – сказал Белкин, – погрузим на них все необходимое и постараемся доплыть до крупного поселения. В случае если дикари снова нападут, оставим форт и отступим в леса, где попытаемся выживать, как сумеем. Ничего лучше придумать я не могу.

– А вы не думали с ними договориться?

– Отто Францевич, – проговорил Белкин, устало закрыв рукою лицо, – если вы думаете, что с этими...

– «Эти», – сказал Отто Францевич, – такие же люди. А с людьми, при желании, договориться можно всегда, надобно только знать их слабости. Должен отметить, что они сейчас

находятся в столь же безвыходном положении, что и мы. Даже в худшем: не исключая, что в племени начались первые смерти от голода. Зима выдалась суровой, а мы извели у этих берегов практически все живое, кроме, разве что, насекомых, да и тех зимой не сыскать. Я всегда говорил, что жадность не доведет Российско-Американскую компанию до добра. У них теперь возможен и каннибализм... Вы слышали когда-нибудь про Вендиго?

– Нет. Что это?

– Очень интересное туземное верование. Индейцы утверждают, что в лесах обитает злой дух, охочий до человеческой плоти. Когда-то Вендиго были людьми, но однажды отведали человечины и превратились в ненасытных чудовищ. Они умеют вселяться в людей и заставлять их совершать неслыханные злодеяния...

– Ближе к делу, – оборвал Белкин. – Признаться, у меня нет охоты слушать индейские сказки.

– Не торопитесь, Александр Сергеевич, – ничуть не обиделся Михель. – Сказки эти имеют самое непосредственное отношение к делу. Так вот, Вендиго может заставить человека пожирать всех и вся, включая ближнего своего. Любой, кто, не выдержав голода, стал каннибалом, считается в племени за Вендиго, и его немедленно убивают. Самое любопытное, что преступник также уверяется, что отныне он – Вендиго, нередко сам уходит в лес, где непрестанно охотится, нисходя до животного состояния. Любой индеец больше всего на свете боится зимнего голода... Впрочем, слово «Вендиго» распространено только у алгонкинских племен. На языке тлинкитов он зовется по-иному, а как – никто из белых не знает: индейцы боятся произносить его имя.

– Откуда вам все это известно? – спросил Белкин.

– Лет десять назад мы с товарищем заблудились в лесах, – сказал Михель. – Товарищ мой вскоре погиб, а меня, полуживого от голода, подобрало одно тлинкитское племя. Хотели сделать меня рабом, но я выменял свободу на рецепт приготовления древесного спирта... Не поверите, спирт творит с ними чудеса – они, когда пьяненькие, сразу ангелами становятся, а уж болтливы! Но даже зеленый змий не заставил их раскрыть мне имени своего духа-людоеда. Между собой они называют его «Бегущим Ветром». Это как у русских для обозначения бесов – нечистые, рогатые, ненаши... Хотя Вендиго скорее родня лешему.

– Интересно, – снова прервал разговорчивого медика Белкин. Помассировал виски и подумал: он, подлец, видно уже с утра «под мухой». – Из всей вашей истории я понял одно: индейцы боятся голода. И?

– И если мы предложим индейцам половину наших запасов, они, возможно, согласятся заключить хотя бы временное перемирие.

– А самим жить впроголодь.

– А самим жить впроголодь, – спокойно повторил лекарь. – Не опасаясь нападения.

– Ну! А они потом да исподтишка?

– А мы отравим отданную им снесь.

На мгновение в кабинете повисла тишина. Потом Белкин сказал:

– Но это же дикость.

– Дикость только и обеспечивает выживание человека в диких местах, – философски заметил Михель.

– Ведь они отнесут эту пищу в свое племя! Женщины, дети...

– Наши женщины, – сказал врач. – Наши дети. Никаких других женщин и детей я не знаю.

Врешь, подумал Белкин. Врешь, мерзавец. Не за женщин и детей наших – за свою шкуру боишься.

А вслух сказал:

– Но ваша клятва Гиппократа...

– Гиппократ, – торжественно поднял палец лекарь, – понятия не имел, что на свете живут индейцы, а уж тем более – тлинкиты-колоши. И, уверяю вас, если бы узнал, то помянул бы их в своей клятве, как допустимое исключение. Был я в их, с позволения сказать, домах: грязь, вонь, вши... Обезьяны и то чище.

– Что же вы, Отто Францевич, и Бога не боитесь?

Доктор скривился и махнул рукой.

– Допустим... однако они, возможно, нас и слушать не станут. Или даже согласятся для виду, а потом нападут во время передачи пищи.

– Есть другой вариант, – не растерялся Михель. – Мы сложим пищу прямо перед фортом, и при появлении индейцев часовые просто крикнут им, чтобы забирали пищу и не трогали нас. В этом случае они не оставят своих кровожадных намерений, но это уже не будет иметь для нас никакого значения.

– Что я вас, право, слушаю! – воскликнул Белкин. – Индейцы не дураки: они снимут пробу.

– Видите, вы уже практически согласились, – усмехнулся Отто Францевич. – На этот счет не волнуйтесь: я сумею смешать такой состав, который подействует не раньше чем через сутки. Так что пускай снимают. Соглашайтесь, Александр Сергеевич. Помните: от вашего решения зависит жизнь всех нас.

– А хватит вам яду-то? – спросил Белкин.

Губы лекаря изогнулись в усмешке:

– На всех и каждого, не извольте беспокоиться. Должен заметить, что в изготовлении ядов любой умелый врач куда успешнее, нежели в спасении жизней.

– Я должен подумать, – тихо сказал Белкин, стараясь не глядеть на Михеля. Лекарь внушал ему теперь ужас, и комендант поклялся про себя, что, даже будучи при смерти, не вверит себя его заботам. Он сам успел проникнуться к дикарям лютой ненавистью, мечтал о карательной экспедиции, но одно дело – насильственное усмирение племени, и совсем другое – полное уничтожение. С другой же стороны... Что бы ни двигало лекарем – забота о товарищах или страх за себя – его план действительно давал надежду.

– Подумайте, – сказал Михель. – Однако времени на раздумья у вас в обрез.

* * *

Ночь комендант провел беспокойно. Он то задремывал, то просыпался и долго лежал в темноте, обдумывая страшное и дерзкое предложение Михеля. Однако решение принять так и не смог.

За ночь небо сплошной пеленою затянули тучи, к утру они прорвались снегом. Когда Белкин вышел на двор размяться, утоптаный грязный наст скрылся под мягким белым покрывалом, а все постройки были увенчаны белыми шапками. Белкина посетил вдруг мальчишечий порыв: нагнуться, скатать крепкий снежок, а потом залепить им в спину огромной бабище в пуховом платке, которая как раз шла от колодца, сгибаясь под тяжестью коромысла с двумя полными ведрами.

С крепостной стены спустилась закутанная в меховую шубу фигура и, тяжело ступая, направилась к Белкину. Комендант узнал Уварова. Лицо охотника было угрюмо.

– Лександр Сергеич... – начал он, – тут к нам немец наш подходил... Михель, стало быть... рассказывал про свою задумку...

– Уже разнес, плут, – с тоскою сказал Белкин. – Чертов Михель! Это он нарочно. Чтобы ходу мне назад не было. Ты-то, конечно, за?

– Был бы против, да за сынка боязно очень, – ответил Уваров. – Да товарищи тоже за малых да жен трясутся. Потолковали мы тут с ними... По всему видать – нету иного выхода, кроме как грех на душу взять.

– Уже и потолковали, значит. А как я «нет» скажу, тогда что? – Белкин с вызовом посмотрел Уварову в лицо.

Тот явно стушевался.

– Мы что... мы ничего, мы как скажете... А только Христом Богом прошу, Лександр Сергеевич: пожалейте людей.

– Ты знаешь, что слово «тлинкиты» на индейском наречии означает «люди»? – спросил вдруг Белкин.

– Оно так, но...

– Всяк себя человеком считает, вон и колоши... Не знаю, смогу ли после такого спать. Ну да воля ваша. Созови мужиков, вечером совет держать будем.

* * *

Александр Сергеевич обвел взглядом переполненный зал собраний и поморщился. Он просил собрать мужиков, но мужики привели с собой баб, а кое-где Белкин, к великой своей досаде, заметил и ребятишек. Даже Уваров, уж на что светлая голова, явился с младенцем, который сейчас мирно посапывал на руках у своей кормилицы Катерины, крещенной алеутки, не обращая внимания на стоявший в зале нестройный гул. Видно, наревелся за утро. В углу сидели уцелевшие после вчерашнего боя офицеры – они тихо переговаривались между собой, украдкой бросая взгляды на коменданта. Мужчины-алеуты на собрание не явились – Белкин оставил их стеречь крепостные стены.

«Кой смысл их приглашать? Эти-то точно будут за, – рассудил Белкин. – Натерпелся их брат от колошей – не приведи Господь. Да и зорче они нашего офицера, дикарей еще в чаще заметят».

Комендант поднял руку и вдруг обнаружил, что ему попросту нечего сказать.

– Господа... – выдавил он и замолчал. Последовала пауза, а за ней – недовольный ропот. – Господа, вот Отто Францевичу есть, стало быть, что нам сказать. Прошу вас, Отто Францевич!

Михель вышел на середину зала. Лицо его было серьезно, но глаза блестели едва ли не озорством. Белкину вспомнилось, как в детстве он с другими мальчишками иногда поджигал муравейники: такой же блеск он видел тогда в глазах товарищей. Все взгляды обратились к лекарю. Откашлявшись, Михель потер костлявые руки и неторопливо, обстоятельно изложил свой жестокий план.

Когда он закончил, в зале на минуту воцарилась тишина. Потом снова поднялся гул, и он, как и ожидал Белкин, был, по большому счету, одобрительным.

Однако не все голоса присоединились к общему хору. Со своего места поднялась вдруг фигура в черной рясе. Отец Анисий сжал рукою тяжелый нагрудный крест.

– Что же вы, христиане? – спросил он тихо, но его голос разнесся по всему залу. – Где ж это видано, чтобы не в бою, а ядом – ядом! – да целый народ со старыми и малыми изводить?

И опять притих зал. Слышно было, как плачет за бревенчатыми стенами разгулявшийся ветер.

Наконец подала голос какая-то баба:

– Да вы бы, батюшка, о детишках хоть подумали! Нешто их жизни не стоят жизнью этих зверей лютых?

– Стыдно, Марфа, – промолвил отец Анисий. – Жестокость женщину не красит. Я одно только скажу: ежели согласитесь на сию мерзость – всех предам бессрочной анафеме. Слово мое крепко.

– У вас, почтеннейший иеромонах, и полномочия есть? – осведомился Михель.

– Не сан дает полномочия, а заповеди Божии, – твердо отвечал священник.

– Но позвольте, – вмешался Белкин, сам не ожидавший, что поддержит немца, – ведь это обычная практика у многих колонистов...

– В Содоме с Гоморрой тоже имелась своя «обычная практика», – сказал отец Анисий. – Надобно ли напоминать, чем дело кончилось?

Тут поднялся такой гвалт, который больше пристал бы двум помянутым городам. Большинство встали на сторону лекаря, иные даже порывались накинуться на отца Анисия с кулаками, однако немало людей выступило в его защиту, и наконец вспыхнула драка. Напрасно кричал Белкин, пытаясь утихомирить собравшихся, – его голос заглушала гнусная брань и грохот опрокидываемых скамеек. Офицеры пытались разнимать, но не особо усердствовали. Дети плакали. Михель, скрестив руки на груди, наблюдал за побоищем и в открытую ухмылялся.

Белкин вытащил пистолет; ему очень хотелось пальнуть в самодовольную физиономию лекаря, но вместо этого он выстрелил в потолок. Крики и грохот стихли – все замерли кто где стоял. А потом зал огласился басовитым ревом – это проснулся, наконец, синишка Уварова. Самого Уварова Белкин заметил среди горстки людей, защищавших священника, и проникся еще большим уважением к охотнику, который, несмотря на то что поддерживал идею Михеля, все же не давал батюшку в обиду. За что и пострадал – бровь его была рассечена, и тонкая струйка крови пятнала ворот рубахи.

– Слушайте все, – сказал комендант. – Если драка немедленно не прекратится, виновные отправятся под арест. Разгром немедленно убрать. Обсуждение закрыто до времени...

– Вы глупец! – бросил Михель.

Белкин скрипнул зубами и повернулся к нему:

– А вам, дорогой эскулап, я вот что скажу: ежели вы еще раз позволите себе сеять смуту и бросаться оскорблениями в адрес начальства – клянусь, я и вас засажу под арест.

Михель захохотал, показав длинные зубы:

– А что, валяйте! Болезни да раны исцелят молитвы почтенного батюшки – он у нас вон истинный праведник!

– Замолчите, Михель! – рявкнул Белкин, чувствуя, что теряет над собою власть. Все взоры обратились теперь к ним с лекарем. – Подите прочь, вы пьяны...

– А хотите дыхну? – засмеялся Михель. И, не дожидаясь ответа, широко раскрыл рот и выдохнул струю зловонного воздуха прямо Белкину в лицо.

Спиртом не пахло.

Пахло гниющим мясом и свернувшейся кровью.

Белкин отпрянул, чувствуя, как злость внезапно сменилась необъяснимым страхом.

– Взять его! – закричал он и со стыдом услышал в собственном голосе визгливые нотки. Двое офицеров тут же встали и поспешили к распоясавшемуся немцу.

И тогда началось.

Один из офицеров протянул руку, чтобы схватить лекаря за плечо. И в этот миг Михель переменялся. Он будто стал выше ростом и раздался в плечах, при этом сгорбившись, словно зверь. Камзол его затрещал, несколько пуговиц отлетело. Тонкие, длинные пальцы поймали в воздухе кисть офицера, стиснули и раздавили с отвратительным влажным хрустом, раздавили с такой же легкостью, как человек давит в кулаке муху. Офицер на мгновение замер, а потом завыл. Михель тут же схватил его другой рукою за густо поросшую бородой нижнюю челюсть и одним махом выдрал ее с мясом. Офицер издал визгливое мычание, словно

теленка на бойне; язык его дергался под кровавыми сосульками бороды и усов. Он грузно осел на пол и затих.

Второй офицер отпрянул, зацепился ногой за ногу, упал. Дрожащей рукой зашарил по поясу, ища пистолет.

Михель захохотал, и смех его походил на уханье филина. Взмахнув рукой, он швырнул кровоточащую челюсть в пораженную ужасом толпу. Зал огласился воплями и визгом. Потерявшие от страха голову люди гурьбой ринулись к дверям.

Белкин дрожащими руками пытался перезарядить пистолет. Пуля выскользнула у него из пальцев и запрыгала по дощатому полу. Откуда-то сбоку грянул выстрел – это пальнул второй офицер.

Но пуля зависла перед лицом немца, не причинив тому ни малейшего вреда, а потом, вращаясь, со свистом полетела назад и угодила обратно в дуло. Пистолет разлетелся вдребезги, разворотив и державшую его руку. Офицер завизжал, перекатился на живот и на локтях пополз прочь.

Михель раскинул руки, словно хотел заключить испуганных людей в объятия. И, будто повинувшись его жесту, окна вдруг взорвались, и в зал с ревом ворвался снежный вихрь. Ливень осколков ударил по толпе, стекло втыкалось в лица, в руки, рассекало глаза. Многие попадали на пол. Уцелевшие, топчась и сбивая друг друга с ног, ломались к двери. Они раздавали удары направо и налево, продираясь к выходу, не щадили даже детей, заглушая их плач криками и бранью. Обезумевшая толпа хлынула на двор. Лекарь, не обращая внимания на бегущих, подошел к пытающемуся уползти офицеру. Ударом ноги в плечо он опрокинул злосчастного стрелка на спину, ухватил за грудки, поднял на ноги... Офицер тихо всхлипнул.

Михель впился зубами ему в лицо.

Офицер по-заячьи заверещал.

Белкин оцепенело наблюдал за происходящим, чувствуя, что вот-вот сойдет с ума. А может, уже сошел? Ведь не могло такого быть, не мог желчный пьяница Михель превратиться вдруг в чудовище неуязвимое...

Обмякшее тело офицера повалилось на пол. С набитым ртом Михель повернулся к Белкину. Сглотнул. Белкин готов был поклясться, что шея доктора раздулась, как у змеи, когда ком изжеванной плоти проходил через его глотку.

– Я предлагал вам потравить этих тварей, – произнес Михель неузнаваемым, рокошущим голосом. – Вы же послушали попа. Пусть теперь он попробует вас защитить!

Чья-то рука схватила коменданта за плечо и потащила в сторону.

– Бежим! – гаркнул прямо в ухо знакомый голос.

Повернув голову, Белкин увидел Уварова. Лицо охотника было искажено ужасом. Он потащил Белкина к маленькой боковой двери.

– Бегите! – проревел Михель. – Бегите!

Они вырвались за дверь и сразу угодили в воющую бледно-серую мглу. Метель секла лицо, выхлестывала глаза. Ветер пронизывал до костей, казалось, он выдувает из тела жизненное тепло. Уваров что-то прокричал, но Белкин не расслышал за ревом ветра.

– Что?! – крикнул он в ответ.

Но ответить Уваров не успел: со всех сторон грянули отчаянные, полные муки вопли, заглушившие даже свист и завывания ветра. И жалобно визжали собаки. Потом послышался глухой стук, словно что-то тяжелое упало на землю с большой высоты, и один из кричавших умолк. Еще один стук – еще один крик затих. Взвизгнула, прежде чем навсегда умолкнуть, собака...

Один за другим крики обрывались глухими ударами, и вскоре уже ничего было не слышать, кроме завываний разбушевавшейся стихии. Как будто все обитатели форта – промысловики, алеуты, офицеры, дети и женщины – растворились в снежной круговерти.

– ЭЭЭЭЭЭЙ!!! – завопил Белкин, но ледяной ветер тут же заткнул ему рот.

– Эээээй! – слабо отозвались из темноты.

– Ка-те-ри-на! – прокричал Уваров. В ответ откуда-то издалека донесся детский плач.

– Сбереги Ванятку, Катеринушка, – зашептал Уваров и потащил растерянного коменданта туда, откуда слышался плач. – Не дай упырю до него добраться!

И будто в ответ послышался звонкий отчаянный крик. Он тут же оборвался. Уваров на мгновение замер, а потом рванулся вперед.

– Осип, стой! – кричал Белкин.

Позади раздался оглушительный треск, потом грохот. Земля вздрогнула под ногами.

– Здание обрушилось, – прошептал Белкин. Из глаз текли слезы; от отчаяния или секущего ветра – того он и сам не знал. – Что же это, Осип?..

Уваров, не обращая на него внимания, пробивался дальше, сгибаясь под порывами ветра.

– Эээээй! – закричал он и вдруг, споткнувшись обо что-то в снегу, рухнул навзничь, увлекая за собой Белкина. Тот слепо вытянул руку и коснулся пальцами чего-то мягкого, теплого, мокрого. Пригляделся – и почувствовал, как сердце ухнуло куда-то в живот.

На снегу, разметав руки, лежала Катерина. Парка ее была распахнута, нательная рубаша разодрана; разодрана была и сама Катерина – от горла до паха. Из вспоротого живота вывалилась розовато-сизая требуха, от нее еще тянулся пар. На месте полных грудей зияли огромные раны, тускло поблескивали в них белые дуги ребер. Снежинки таяли в широко раскрытых глазах. Ребенка при ней не было.

Уваров заревел зверем. Он оттолкнул Белкина и вскочил. Снова послышался жалобный детский плач... а потом свист. Не свист ветра – нет, этот был гораздо пронзительнее, гораздо страшнее: в нем звучала какая-то игривость, какое-то жестокое лукавство. Он вонзался в уши, леденил кровь, лишал рассудка. Свист сменился гулким смехом.

– Охотник! – прокричал Михель из-за кружащейся снежной завесы. – Это я сгубил когда-то твою бабу! Прости великодушно: напился пьяный, да закусить было нечем, ну и проморгал! Ништо, теперь у меня и закуска есть! Слышишь, как надрывается?

Уваров кинулся на голос. Напрасно пытался удержать его Белкин: страх за сына лишил охотника всякого благоразумия.

– Стой, Осип! – кричал комендант. – Стой, он в ловушку тебя заманит!

Но Уваров рвался из его рук.

– Что же ты за папаша, нейдешь сынка выручать! – глумился невидимый Михель. – Аль трусишь? Аль подстегнуть тебя?

Плач ребенка перешел в душераздирающий крик. Уваров ответил криком еще более диким и, размахнувшись, треснул Белкина кулаком по скуле. Яркая белая вспышка полыхнула перед глазами коменданта. Разжав пальцы, он без чувств свалился на снег и уже не видел, как Уваров неся во тьму, выкрикивая имя своего сына.

* * *

Коменданту чудилось, будто бежит он по лесу. Мимо с невероятной скоростью проносились стволы деревьев, и в какой-то момент возникло чувство, что не он бежит через лес, а сам лес мчится мимо него.

Внезапно он остановился: впереди открылась поляна, и на ней комендант увидел двух человек. Они лежали под высокой сосной, закутавшись в шубы, и, казалось, крепко спали. Один, бородатый и крепко сбитый, был Белкину не знаком, в другом же он не без труда признал Михеля: тот выглядел лет на десять моложе, но страшная худоба, желтое, изможденное лицо, усеянное мокнувшими красными язвами, и иссеченные трещинами до мяса губы

делали его похожим на ожившего мертвеца. Внезапно его запавшие глаза приоткрылись, и Белкин увидел в них голодный блеск. Очень медленно, стараясь не шуметь, доктор приподнялся на локте и свободной рукой извлек из-за пазухи длинный охотничий нож. Сел, сбросив тяжелую шубу, и на животе пополз ко второму мужчине, точно четырехлапый паук.

Белкин хотел закричать, предостеречь спящего, но не мог издать ни звука. А Михель тем временем склонился над мужчиной, помедлил, а потом обеими руками поднял нож и вогнал ему в шею.

Где-то за стеною деревьев послышался уже знакомый Белкину свист.

Глаза несчастного раскрылись, он вскинул руку, схватил Михеля за длинные волосы и притянул к себе, будто хотел шепнуть что-то на ухо своему убийце. Разинул рот, но вместо слов вырвались только брызги кровавой слюны, застряли крошечными каплями в густой бороде и оросили Михелю лицо.

– Прости, Федор... – шептал Отто Францевич, раскачивая рукоять ножа из стороны в сторону. Снова послышался свист, на сей раз он долетел с другой стороны, но Михель его словно и не услышал. – Голод не тетка... Да и цинга не сестрица... Я еще пожить хочу... – С этими словами он выдернул нож и припал ртом к кровоточащей ране.

Снова раздался резкий свист. Воздух за спиной доктора сгустился. Ровно из ниоткуда возник высокий, туманный силуэт, сверкнули огромные желтые глаза без зрачков... Он протянул к плечу лекаря огромную когтистую лапу, а Белкин, охваченный страхом, помчался дальше. У себя за спиной он услышал страшный крик Михеля:

– Ноги... Боже мой! Ноги горят! Горят!

Он бежал, а лес вокруг таял, растекался в туманное марево. И в этом мареве с визгом и гиканьем проносились странные, невиданные существа: хвостатые, со звериными головами, с длинными, извивающимися руками и ногами, иные походили на птиц, иные – на тюленей, а некоторые – на ожившие древесные пни. Все они разлетались с пути коменданта, словно боялись его – или того, что следовало за ним по пятам.

– Вот так все и произошло, – зазвучал в ушах голос Михеля. – И то же самое будет с тобой. Ты будешь бежать наперегонки с ветром на горящих ногах...

– Нет, – выдохнул Белкин. – Нет. Я не такой, как ты...

И открыл глаза.

Он лежал в тепле, но связанный по рукам и ногам. Тело его укрывала тяжелая медвежья шкура. А сверху нависло угрюмое широкоскулое лицо с раскосыми черными глазами.

Александр Сергеевич понял: он в руках колоша.

* * *

Страх не было. Одна усталость. Белкин осознавал, что это конец, и смерть будет лютой. Но жестокость индейцев больше не пугала его. Лучше умереть от рук варваров, чем снова услышать шепот твари, выдававшей себя за Михеля.

Он попытался приподняться, но по телу разливалась мертвенная слабость, а шкура, казалось, весит не меньше живого медведя. Под ней было нестерпимо жарко, Белкин чувствовал, что весь взмок, едкий пот жег глаза. Он заморгал, лицо расплылось неясным пятном. Пятно закружилось, и комендант снова лишился сознания.

На сей раз видения не преследовали его. Он смутно помнил, как чья-то рука время от времени трясла его за плечо, как сильные пальцы приподнимали голову и придерживали за затылок, пока другая рука вливала в рот мясной бульон из глиняной плошки.

Очнувшись, Белкин снова увидел над собою лицо колоша. Вербки, как ни странно, с него сняли – вероятно, индеец счел, что в таком состоянии пленник неопасен. Комендант приподнялся на локтях – на сей раз сил хватило – и стал лихорадочно озираться.

Он находился в просторном шалаше из сучьев. Стены его были обтянуты шкурами тюленей, и с них смотрели на коменданта намалеванные лица духов и звероподобных существ; он мог поклясться, что видел некоторых из них в своих грезах. Посреди шалаша в небольшом углублении потрескивал костерок.

– Не бойся, белый человек, – произнес индеец на превосходном русском языке. – Есть вещи, перед которыми забывается любая вражда. Я – Аракан, шаман рода Ворона, и ты находишься в моем шалаше. Ты можешь считать себя не пленником и рабом, но моим гостем и союзником, если только сам вероломством не дашь повода относиться к себе иначе. Назови свое имя.

– Комендант N...ского форта Александр Сергеевич Белкин. – Он пошевелил руками. – Как... как я здесь оказался? Давно я здесь?

– Четыре ночи назад мы слышали крики из форта, – ответил Аракан. – Мы сразу поняли, что с нашими врагами приключилась беда, и поначалу возрадовались, думая, что это пожар. Но радость сменилась ужасом, когда мы увидели над фортом огромный снежный вихрь, в котором кружились люди и собаки. Даже самые отважные воины обратились в позорное бегство.

– Так вот оно что... – прошептал Белкин.

– Племя было напугано. И тогда люди обратились ко мне. «О Аракан! – говорили они. – Тебе ведомы силы природы, ты легко общаешься с духами. Иди же к стану наших врагов, узнай, что с ними случилось, и не грозит ли то же и нам...» Я согласился и отправился в форт один. Там я увидел ворота, лежащие на земле, развалины домов, занесенные снегом, и тела людей и собак повсюду. Выглядели они так, словно что-то подняло их высоко в небеса, а потом со страшной силой швырнуло оземь, раздробив все кости. Лишь одно существо убивает так. Некоторые были наполовину растерзаны.

– Вендиго, – произнес Белкин.

– Мы называем его Бегущим Ветром, – сказал индеец. – Хотя слышал я и другое имя – Итхаква. Слушай же. Из всех домов уцелела лишь ваша молельня. На ее башне я увидел то, что вы называете распятием: фигуру в длинном черном одеянии, прибитую к кресту за руки и за ноги. Ветер шевелил ее бороду.

– Бедный отец Анисий, – прошептал комендант.

– Ты лежал на снегу среди мертвых, – продолжал Аракан, – и поначалу я хотел отвезти тебя в свое племя. Но я знал, что наши люди убьют тебя. Ты нужен мне живым. Ты видел лицо нашего врага. Ты расскажешь мне, как выглядит его человеческая личина, дабы никогда не смог он застать нас врасплох.

– Как же я не замерз? – спросил Белкин.

– Бегущий Ветер решил сохранить тебе жизнь, – ответил Аракан. – Он хочет сменить свое тело и для этого избрал тебя. Но до сих пор он над тобою не властен.

– Почему?

– Бегущий Ветер, – сказал индеец, – может вселяться в тела людей, только если те дадут ему такую возможность. Для этого человеку необходимо преступить людские заветы и добровольно вкусить человеческой плоти и крови. В некоторых же случаях достаточно отречься от заветов собственных, совершив то, что считаешь самым ужасным...

Белкин начал понимать. Так вот зачем Михель настаивал на идее отравить индейское племя! Прими комендант этот план, и страшный дух обрел бы над ним полную власть.

– Когда-то он вселялся только в наших людей, в индейцев; тогда его сущность проявлялась быстро, – сказал Аракан. – Но с приходом белых он научился от них притворству. Теперь он может годами дремать в человеке, не показывая своей сути. Впрочем, тебе нужно восстановить свои силы. Я дам тебе отдохнуть, но сперва скажи: как выглядел тот, кто стал вместилищем духа?

- Если я скажу, – тихо ответил Белкин, – ты убьешь меня: я больше не буду нужен.
– Нет, белый человек, я не нарушу нашего уговора.

Внезапно Белкин почувствовал, как его охватила ярость.

– Уговора! – закричал он, крик отнял у него почти все силы. Он понимал, что поступает безрассудно, но ничего не мог с собою поделать. – Уговора... Вы вероломно нарушили все уговоры, вы напали на нас и резали нас, как скот! И ты говоришь о притворстве белых...

– А ты говоришь неразумно, – отвечал Аракан. – Должно быть, ты забыл, что находишься в моей власти. Но я не дам волю гневу: дух белого человека слаб, как и его тело. Я знаю: пролилось слишком много крови, чтобы мы могли стать друзьями. Но враг у нас один, и до победы над ним мы должны стоять плечом к плечу. Скажи же, как мне его опознать?

– Это немец, штаб-лекарь Михель, – ответил Белкин, чувствуя, как навалилось на него безразличие. – Тощий, высокий, длинные волосы, рожа лошадиная...

Не договорив, провалился в сон.

На следующее утро он проснулся от острого желания справить естественные нужды. Аракан накинул ему на плечи свой плащ из меха куницы и помог выбраться из шалаша.

Они оказались на небольшой поляне. Вокруг, куда ни глянь, тянулись в небо заснеженные великаны-сосны. Некстати Белкину вспомнились леса родной Сибири, и он почувствовал, как по лицу текут непрошенные слезы. Аракан не сдержал презрительной усмешки.

Тем не менее он любезно отвернулся, когда Белкин справлял свои потребности за одной из сосен. Затем он проводил пленника обратно в шалаш. Белкин тяжело опустился на подстилку и снова заснул.

На следующее утро он уже смог сесть. У них с Араканом состоялся длинный разговор. Белкин рассказал индейцу о плане Михеля. Тот неожиданно пришел в восторг.

– Теперь я все понимаю! – с улыбкой воскликнул он. – Напрасно ты винишь наше племя, белый человек. В том, что мы напали на вас, виновен исключительно дух, владеющий телом вашего лекаря.

– Ну! – язвительно молвил Белкин.

– Ты не веришь, – произнес Аракан, – потому что недооцениваешь хитрости этого существа. Все было им подстроено – все! Дух-людоед решил обрести новое тело: для этой цели он выбрал тебя, комендант, уж не знаю, чем ты ему так приглянулся. Он не мог заставить тебя есть человеческое мясо – ему это запрещено...

– Кем?

– Духам даны свои законы, белый человек, которые им не позволено нарушать, иначе они давно покорили бы все своей воле. Человек должен сам захотеть мяса своего собрата, чтобы Бегущий Ветер мог забрать его тело. Притом можно отведать человечины нечаянно, не зная, чье это мясо, но Бегущий Ветер не вправе сам его подложить.

Он решил толкнуть тебя на преступление. Для этой цели он стравил мой народ с твоими людьми... Он изгнал всю добычу из наших лесов. До сего момента наш род не желал войны с русскими, теперь же речь шла о жизни и смерти: они или мы. Мы считали, что именно вы истребили все живое в округе и обрекли нас на голод.

Мы начали с вами войну. Он надеялся, что после этого ты согласишься погубить мой народ и этим чудовищным злодеянием позволишь ему захватить тебя; и, когда ты не пошел на это – о белый человек, теперь я искренне рад, что спас твою жизнь! – он пришел в бешенство и отомстил вам всем...

– Где ты научился так складно мыслить? – изумленно пробормотал Белкин.

Индеец горько усмехнулся:

– То, что мы не похожи на русских, еще не значит, что мы глупцы. Мы сизмальства учимся понимать связь между причиной и следствием.

– Ты и говоришь не как другие индейцы...

– Моя семья была с русскими в тесной дружбе, но те времена давно прошли, – ответил Аракан. – Мой отец учился грамоте у одного ученого монаха. Он даже был окрещен – правда, продолжал верить в духов. Он умел говорить по-русски не хуже меня.

– Вот оно что... – тихо промолвил Белкин.

Он рассказал Аракану и о виденном им сне, в котором лекарь убивал своего спутника. У индейца и тут нашелся ответ.

– Дух не оставил надежды завладеть тобой, – сказал Аракан, когда комендант закончил. – Поэтому между ним и тобой существует некая связь. Думаю, ты действительно видел прошлое вашего врачевателя. Я пойду принесу еды. Поспи еще.

* * *

В следующий раз Белкин проснулся уже ближе к вечеру, впервые чувствуя себя посвежевшим и отдохнувшим. На костре булькал котелок, источая восхитительный аромат вареного с приправами мяса.

Аракан с мрачным видом сидел у костра. В руке он держал длинный изогнутый нож. Белкину на мгновение подумалось, что индеец все же решил его зарезать. Увидев его испуганный взгляд, Аракан встал и убрал нож за пояс.

– Теперь я пойду и взгляну ему в лицо, – сказал он.

– Ты убьешь его? – спросил Белкин.

– Убить его не дано никому, – ответил индеец. – Но я владею даром заговаривать духов: я смогу успокоить это чудовище на долгое время.

– Я должен идти с тобой? – спросил Белкин.

– Нет.

– Но зачем тогда ты возился со мною...

– Потому что слово мое крепко, – ответил колош. – Ты описал мне его, а я в благодарность помог тебе. Я, наверное, уже не вернусь. Наши с тобою дела окончены.

– Что ж, прощай, – сказал Белкин.

– Похлебка твоя, – продолжал индеец. – Она должна повариться еще около часа. Когда почувствуешь себя голодным, съешь ее. Также я оставлю тебе топор, чтобы ты мог нарубить себе хворосту. Больше я ничем помочь тебе не могу: отныне мы враги.

– И все равно спасибо, – ответил Белкин.

– Прощай, – сказал Аракан, одним движением поднялся, откинул полог и бесшумно исчез в темноте.

* * *

Белкин долго сидел в шалаше, прислушиваясь к звукам ночного леса. За стенами шалаша тихонько подвывал ветер, иногда слышался шелест снега, осыпающегося с сосновых лап. Время будто застыло на месте. От голода у Белкина начало подводить живот, но он не спешил снимать котелок с огня.

Он думал о том, что случилось за последнее время. Всего за какие-то несколько дней его обычная, хоть и полная невзгод и опасностей, жизнь наполнилась страшными, противоречивыми событиями. Все, во что он верил и во что не верил, оказывается, ничего не стоило.

Америка, думал он, земля бесконечного изобилия и бесконечных возможностей. Но – не наша. Америка ни за что нам не покорится. Ее можно взять только силой, только коварством, только жестокостью. Она не для прекраснодушных мечтателей. На одном лишь Баранове – человеке крутого нрава и изощренного ума – держится русская Америка. Не станет

Баранова – и не станет Русской Америки. Нашим-то государям и без нее хлопотно. Как пить дать бросят эту затею.

Внезапно возникла малодушная мысль: пусть! Век бы не видеть ее, эту Америку... Здесь, вдали от отчизны, он вплотную соприкоснулся с такими силами, о которых не мог даже и помыслить. Теперь не будет ему покоя, даже если он вернется на родину. В вое зимнего ветра, в хрусте снега под ногами, в шелесте еловых ветвей на ветру будет ему чудиться голос Бегущего Ветра, владыки голодных.

Голод как раз напомнил о себе. Белкин решил, что похлебка уж наверняка готова. Подтянув рукава, он снял котелок с огня. В куче вещей, оставленных Араканом, отыскал крепкую деревянную ложку. Погрузил в густое варево и помешал, разгоняя ароматный пар. Ложка подцепила кусок мяса. Пригляделся: что-то бело-розовое – заячья ножка? Он выудил ее из бульона, дал остыть, после чего взял за голень и впился зубами в сочное бедро.

Мясо оказалось на удивление нежным. Белкин жадно обгладывал ножку, да так увлекся, что не услышал, как за стенами шалаша захрустели по снегу тяжелые шаги.

Внезапно полог резко отлетел, и в дверном проеме возник, шатаясь, ободранный силуэт: Белкин едва не подавился. На мгновение он решил, что перед ним сам дух-людоед.

Это был не дух, а Осип Уваров, однако в ту минуту он казался куда страшнее любого духа. На обмороженном почти до черноты, ободранном хвоей лице со всклокоченной бородой жутко белели вытаращенные глаза. Одежду покрывал иней, а волосы примерзли к голове коркой.

– Осип! – воскликнул Белкин, совсем не радуясь встрече: уж больно страшным взглядом смотрел на него помощник.

Дикий взгляд Уварова обвел шалаш и остановился на полусъеденной ножке, которую Белкин держал в руках. Рот растянулся в оскале.

– Так! – выдохнул он. – А я-то думал, брешет немец! Думал, душу мою погубить хочет! А он, вишь ты, все как есть сказал!

– Осип, о чем ты говоришь? – воскликнул Белкин, уронив, наконец, ножку на землю.

– Ты с ним заодно! Ты Ванятку съел! – заорал Уваров и вскинул руку.

Белкин увидел нацеленное в лицо дуло пистолета.

Какой-то древний инстинкт быстрее мысли подсказал, что нужно делать. Белкин схватил котелок и, не обращая внимания на жгучую боль в обожженных руках, с размаху вlepил раскаленной похлебкой в лицо Уварову. Осип заорал еще громче. Грохнул выстрел, пуля раздробила Белкину плечо, котелок выпал из рук, а Уваров откинулся назад, схватившись за глаза.

Белкин зажал рукой рану. Взгляд его упал на котелок. Оттуда выкатился какой-то белый, с двумя черными дырами, предмет. Череп. И отнюдь не заячий.

Уваров отнял руки от глаз. На лице его вздувались огромные пузыри. Веки вспухли, глаза превратились в белесые щелочки. Он слепо зашарил рукой по поясу и вытащил огромный охотничий нож.

– Врешь, не уйдешь, людоед проклятый, – просипел он и, рассекая воздух ножом, пошел на Белкина.

И снова Белкин не думал. Когда Уваров бросился на него, он увернулся, схватил здоровой рукой прислоненный к стене топор и с размаху треснул лезвием Осипа по затылку. Ноги охотника подкосились. Он рухнул прямо в костер, загасив его своим телом. По шалашу, изгоняя аромат вареного мяса, расплзлась вонь мяса горелого.

Белкин повалился на бок. Зажал пульсирующее болью плечо. Его мучительно выворачивало наизнанку, рвота хлестала из носа и рта, но горечь желчи была менее отвратительна, чем сладкий привкус детского мяса.

Потом он долго лежал в темноте. А в голове звучали слова Аракана:

«...человеку необходимо вкусить человеческой плоти и крови. В некоторых же случаях достаточно совершить то, что считаешь самым ужасным...»

Он сделал и то и другое. Он съел сына Уварова. И убил его самого.

Аракан обманул его. Вендиго не мог захватить тело Александра Сергеевича, так как тот мало что не ел человечины, еще и отказался совершить то, что в сердце считал преступлением. Аракан притворялся спасителем, союзником – а сам служил лесному чудовищу. Дух-людоед передал Аракану сына Уварова, чтобы тот накормил Белкина детским мясом; он каким-то образом сохранил жизнь самому Уварову, чтобы Белкин его убил.

Теперь оба условия выполнены.

А значит, дух-людоед может в любую минуту пожаловать за своим новым телом.

Где-то снаружи послышался залихватский пронзительный свист.

Бежать, скорее бежать!

Белкин с трудом поднялся на ноги, подковылял к выходу, сжимая рукой пульсирующее плечо, рванул полог и вывалился на поляну.

Посреди поляны стоял Михель.

* * *

Он заложил руки за спину и с мечтательной улыбкой смотрел в прозрачную темно-синюю высь. Ветерок шевелил неопрятные длинные волосы и кружил поземку вокруг длинных ног. А наверху, в бездонной пустоте, мерцали холодным светом мириады звезд да поблескивал ятаганом серебристый серп месяца.

Все так же мечтательно улыбаясь, лекарь повернулся к Белкину. Тот оцепенел, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Врач вынул из-за спины руку – в пальцах сверкнуло стальное жало скальпеля.

– Чудесная придумка человеческого разума, вы не находите? – проговорил он, вонзил скальпель себе под скулу и одним махом выкроил правую щеку.

Сочащийся кровью шмат плоти шлепнулся на снег, и врач небрежно отбросил его ногой. Белкин будто прирос ногами к земле, не в силах пошевелить ни единым мускулом. Лекарь повернул к нему изувеченную сторону лица и усмехнулся. В свете месяца сверкнули обнажившиеся зубы.

– Не помешала бы симметрия, вы не находите? – спросил он и двумя взмахами отхватил себе и левую щеку.

Вслед за этим он принялся яростно кромсать нижнюю челюсть и подбородок. Полетели темные брызги. Белкин пытался закричать, но горло не слушалось, будто стянутое железной струной; хотел убежать, но ноги приросли к месту, словно в ночном кошмаре. Месяц и звезды пульсировали в небе холодным светом в такт судорожным рывкам скальпеля. Наконец Михель опустил руку. Длинные волосы трепетали на ветру, мерцали глаза... а под ними скалились голые десны. В стылом воздухе от развороченного рта поднимался пар. Михель шагнул к Белкину и нацелил на него лезвие скальпеля.

– Слышите, ветер воет? – спросил он.

Белкин смотрел, как клацают, поблескивая в кровавом месиве, белоснежные зубы, как движется за ними розовый язык.

– Скоро конец. Но не ваш, любезный Александр Сергеевич. Конец доброго доктора. До чего надоел мне пьяница Михель с его подагрой и больной печенью!

Отто Францевич вонзил себе скальпель в нижнее веко и одним движением очертил круг. Глазное яблоко вывалилось ему на щеку вместе с налипшими веками. Лекарь небрежно взял его другой рукой, оборвал нерв, растер глаз между пальцами и махнул рукой, стряхивая слезь.

– Ты меня не получишь! – с огромным трудом сумел выдавить Белкин.

– Получу, – грустно сказала чудовище. Оно воткнуло лезвие в другой глаз, а потом принялось перепиливать носовые хрящи. – Ты вкусил человеческой плоти, ты убил своего друга. Теперь ты мой.

– Нет...

Неожиданно чудовище пришло в ярость.

– Ты мне не веришь! – закричало оно. – Так убедись! Смотри, теперь маски сброшены!

Оно вцепилось себе в волосы и принялось лихорадочно сдирать с головы скальп, помогая себе лезвием.

Белкин обезумел от ужаса. Уйти, убежать, уползти – подальше от существа, кромсающего собственную голову! Но даже отвернуться от кошмарного зрелища он не мог. Существо сдернуло с себя скальп и швырнуло его на снег, точно мокрую тряпку. Затем погрузило пальцы в глазницы и с неожиданной легкостью содрало верхушку черепа, обнажив пульсирующую розово-серую массу мозга.

Только тогда Белкин понял, что происходит.

Оно *разоблачалось*.

Лезвие скальпеля кроило одежду, полосовало плоть. А потом лекарь начал раздуваться. Обрывки рубахи, камзола, штанов и сапог сорвались с него, а вслед за тем разлетелось на куски иссеченное тело, разметав во все стороны обломки костей, и пролилось на землю багровым дождем. Брызги оросили лицо Белкина, заляпали глаза, и потому он плохо видел создание, возникшее на месте Михеля. Все, что он различил, – это высокий, мглистый силуэт, горящие желтым огнем глаза и протянутую к нему руку-лапу с длинными корявыми когтями.

Он пах кровью и хвоей.

Дух голодного ветра.

Вендиго.

Тут оцепенение, сковывавшее его, прошло. Белкин повернулся и со звериным воем ринулся в лес.

Еще никогда в жизни он так не бежал. Промерзшая земля гудела под сапогами, сосновые лапы хватали за одежду и хлестали лицо, впереди вырастали шершавые стволы, и он врезался в них, и падал, сплевывая кровь и осколки зубов, но сразу же поднимался и бежал дальше. Ноги несли его все быстрее и быстрее.

Ноги горели...

Михель говорил правду... но не было никакого Михеля... бежать, бежать, надо бежать, никакого Михеля не было, Михель встретил ЭТО в лесу тогда, много лет назад, и ОНО завла-

дело им, и вместо Михеля стало ЭТО, почему ЭТО – у него много имен, надо бежать, оно только прикидывалось человеком, а может, и не прикидывалось, может, оно и есть человек, может, оно таится в каждом из нас, дожидаясь своего часа, и вот пробудилось, и надо бежать, бежать, бежать – это замечательно, бежать – быстрее оленя, быстрее ветра, бегущего ветра, бежать, бежать...

Теперь он мчался со скоростью ветра, и лес больше не ставил ему преград – напротив, чаща словно бы сама расступалась на его пути.

Страх постепенно исчезал, сменяясь диким, первобытным восторгом. Проходила пульсирующая боль в плече.

Белкин летел, как на крыльях, практически не касаясь пылающими ногами земли, и вскоре его крики переросли в ликующий смех.

Он слышал шепот звезд в небесах; он внимал вою ветров; он неся над этой суровой, холодной землей и знал, что отныне он – единственный ее владыка, эти дремучие леса – его исконные охотничьи угодья, и нет такой силы, что могла бы их у него отнять. Он завыл от восторга, и ветер вторил ему.

Бегущий ветер.

Очень скоро он навестит родное племя своего старого друга Аракана.

Да, Аракан заключил с ним в лесу договор: обязался подготовить ему новое тело в обмен на безопасность своего народа. И будь дух на тот момент в истинном своем обличье, договор бы пришлось исполнять. Но он тогда был штаб-лекарем Михелем. Сейчас же он – комендант Белкин.

А Белкин ничего глупцу Аракану не обещал.

Александр Подольский

Ветки

Иван Данилович любил чистоту и порядок. Он жил многолетними привычками и верил, что у каждой вещи должно быть свое место. Если кто-то из коллег по смене забывал вернуть заварочный чайник на полку или оставлял в раковине посуду, Ивану Даниловичу кусок не лез в горло. Стол в бытовке был сколочен из деревянных поддонов, и Иван Данилович, прежде чем выложить бутерброды с сыром и докторской колбасой, всегда стелил на него разворот «Советского спорта». Ведь по столу, когда в помещении никого не оставалось, бегали крысы. На глазах у людей они не позволяли себе такого непотребства, но кубики рафинада из общей упаковки пропадали исправно. Крысы воровали вообще все, что надолго оставалось без присмотра, а будь их чуточку больше, наверное, могли унести и саму бытовку.

Иван Данилович тщательно вымывал руки до и после туалета, постоянно возвращал на место передвинутое мусорное ведро и за четыре года использования телефона так и не снял с экрана защитную пленку. Над его бзиками подшучивали, не задумываясь о том, что именно такие люди наделены обостренным чувством неправильности. Там, где какой-нибудь Даниил Иванович прошел бы мимо складского ангара и ничего не заметил, Иван Данилович сразу понял: что-то не в порядке. Не так, как всегда. Неправильно.

На территорию складов темнота спустилась вместе с дождем. Повозилась на главной площадке у гаража с погрузчиками, да и расползлась по закромам базы. Зажглись прожекторы, в бытовке желтым пятном вспыхнуло окошко. За последней фурой запечатали ворота, проводили кладовщиков и спустили собак. Ждать утра здесь остались три охранника и пять дворняжек, с которыми даже на крыс ходить было бессмысленно. Но собаки лаяли так громко и дружно, что в глазах начальства выглядели самыми настоящими сторожевыми псами и обеспечивали себе неплохое довольствие.

Одним из охранников и был Иван Данилович. Он стоял перед вытянутым ангаром, в котором поместилось сразу три склада, и осматривал крышу. Дождь шуршал в морщинах его плаща, разбивался о козырек кепки с эмблемой ЦСКА и брызгами размазывался по стеклам старых очков. Иван Данилович глядел вверх и прислушивался к чувству неправильности. Двойные прожекторы высились над каждым воротами и бурили тьму в обоих направлениях. Конструировали ангар отъявленные садисты – летом металлический корпус нагревался и пытал внутренности смертельной духотой, а зимой промерзал так, что не спасали никакие батареи. Сейчас же с выгнутой крыши, точно с горки, по стене катилась вода. В луже под козырьком третьего склада плавали пятна света. Но не только они. Там шевелились тонкие длинные тени, словно очертания веток, сбросивших листву. Иван Данилович протер очки и присмотрелся, потому как доподлинно знал, что на обшивке ангара нет и не может быть никаких растений. Однако теперь у прожектора на ветру что-то шевелилось.

Мощная лампа слепила глаза, пряча неясные контуры за электрической завесой. Иван Данилович искал лучшую точку обзора, когда прожектор сморгнул, и на земле мелькнула паучья тень. Клубок веток, черное отражение того, что колыхалось сверху. Небо разразилось громом, и по металлической шкуре ангара с двойной силой затопали дождевые капли. Или же, подумалось Ивану Даниловичу, чьи-то маленькие ножки.

Будучи человеком вьедливым и рациональным, Иван Данилович не мог просто так оставить странное происшествие. Ему требовалось объяснение. На крыше ангара частыми гостями были кошки и птицы, но ветки? Какой силы нужен ветер, чтобы закинуть туда целый куст? Иван Данилович зашел в бытовку и снял с гвоздя мощный фонарь – почти что ручной прожектор. За столом на его месте сидел Пал Палыч и с разложенной скатерти-газеты читал о

подготовке ЦСКА к дерби со «Спартакoм». На «Советском спорте» виднелись мокрые следы чашки, отчего Иван Данилович сжимал ручку фонаря сильнее, чем того требовала ситуация.

Пал Палыч ему не нравился не только из-за красно-белых болельщицких пристрастий. Он, Пал Палыч, работал здесь уже пятнадцать лет, и этот факт, как ему, наверное, казалось, давал право нарушать личное пространство других (в основном, конечно, Ивана Даниловича), забывать о всяческих приличиях и вообще вести себя как хозяин квартиры с нерадивыми съемщиками. В середине смены Пал Палыч добавлял в кофе коньяк, благодаря чему становился чересчур активным и веселым, поэтому от его инициатив всегда стоило держаться подальше.

Иван Данилович поправил кепку и вышел из бытовки. Он отправился к третьему складу и осветил крышу над прожекторами. Никакого облезлого куста, никаких веток там не было. Как и странных теней на земле. Иван Данилович шагал вдоль ангара и изучал крышу на предмет непонятных наростов. С плаща текло так же, как и с неба. В жирном луче фонаря капли сменяли друг друга так быстро, что казалось, будто они висели в воздухе. Всполохи молний подсвечивали ночь, вылавливая силуэты собак из темноты. У главных ворот под козырьком сторожки, покуривая сигарету, стоял Сашок.

Из-за нагромождения деревянных контейнеров залаяла Альма. Иван Данилович поспешил туда и уперся взглядом в плиту забора. Альма рычала и смотрела на самый верх, в переплетения колючей проволоки.

– Тише, девочка, тише. Не шуми.

Иван Данилович потрепал собаку по голове и поднял фонарь. В проволоке запутались ветки. Десятки тонких, с человеческий палец, но длинных, с полруки, прутьиков, соединенных в одной точке. Иван Данилович вспомнил внука Олежку. Тот примерно так рисовал солнце: кружок, от которого к земле тянется много-много лучей. Вверх лучи у Олежки никогда не тянулись, все тепло он дарил людям.

Листьев на ветках не было, зато имелись почки – в одной из них, самой большой, и сходились лучи неведомого солнца. Эта штука напоминала гигантского паука, слепленного из оборванных сучков.

Иван Данилович любил засыпать под одну телепередачу по кабельному каналу. Там всклокоченный ведущий рассказывал о различных тайнах и мистификациях: рептилоиды среди нас, база НЛО на дне Бермудского треугольника, могущественные секты правят миром. В одном эпизоде речь шла о крупных свалках и их обитателях. Это целые помойные континенты, и крысы размером с собаку там дело привычное. Ивану Даниловичу запомнился одноухий бомж, который утверждал, что его цапнула метровая многоножка толщиной с батон колбасы. Якобы на отшибе большого города еще и не такие чудовища водятся. Когда ведущий с выпученными глазами начал во всем обвинять секретные эксперименты масонов, Иван Данилович отключился.

Альма продолжала лаять. Иван Данилович взял лопату и осторожно подцепил ветки. Что-то в них ему категорически не нравилось. По счастью, ничего не произошло. Иван Данилович подцепил их с другой стороны и вздрогнул. Почки открылись. Одна ветка обвилась вокруг полотна, остальные оперлись на нее и вмиг высвободились из проволоки. Иван Данилович отбросил лопату и приставшую к ней тварь. Ударил светом вниз, почки моргнули. Альма прыгнула прямо на ветки, защелкали челюсти. Существо согнулось в многочисленных суставах-узелках, выбросило вперед пару конечностей и забралось на собаку. Альма зарычала, пытаясь скинуть тварь. Ветки шевелились, дергались – они залезали под шкуру. Альма упала на землю, завывала. Раздался хруст. Ветки вползли в нее целиком, под собакой растекалось черное пятно. Альма несколько мгновений хрипела и кашляла, а потом ветки вышли из нее сквозь плоть. Прицепились к кирпичной стене котельной, в две секунды взобрались наверх и исчезли в темноте.

Когда подросел напарник, Иван Данилович не помнил.

– Как она попала-то сюда, зверюга эта гребаная? – спрашивал Пал Палыч, пока катил тачку с разорванным трупом Альмы к воротам. – Что за порода? Мать вашу, нужно дыру искать, псина ж небось бешеная.

Иван Данилович не стал рассказывать о ветках. Просто не смог. Соврал, что услышал грызню, а потом нашел Альму у котельной.

– Не знаю я, Пал Палыч. Ничего не знаю.

– Слышь, Данилыч, а это точно не из наших кто?

– Да точно, точно. Они в другой части базы бегали.

– И что делать-то теперь?

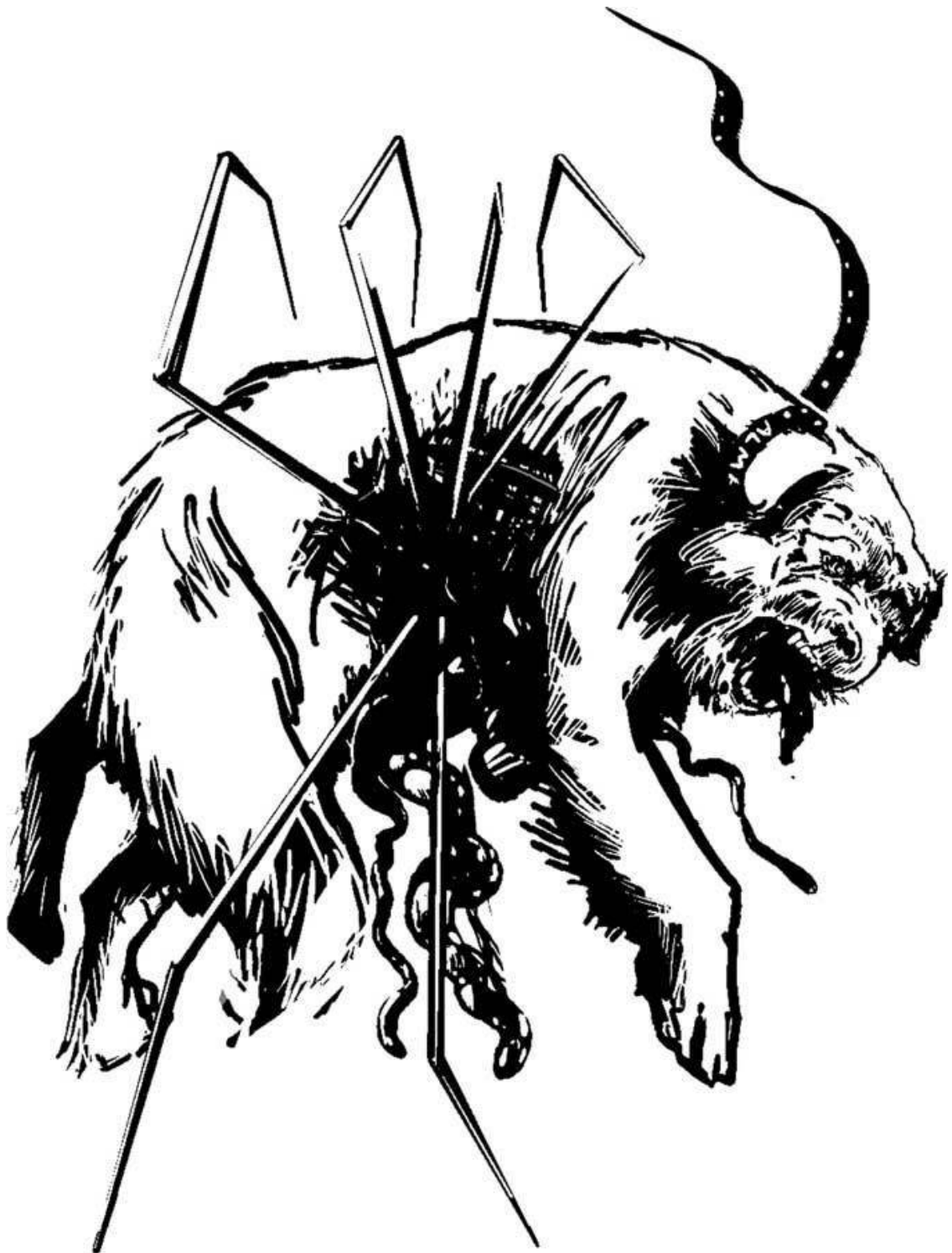
– Да не знаю я! Для начала Альму похоронить надо.

Сашок открыл одну воротину и принял у Пал Палыча тачку. На базу он только устроился и в свои сорок шесть для коллег-пенсионеров был салабоном, поэтому без лишнего ворчания брал на себя грязную работу.

– Ептыть, ее как будто топором порубали. Мясо вон кусками, шкура... Чикатила напала?

– Собачила, – сказал Пал Палыч, – из-под заборчила.

– Так это, – заволновался Сашок, – а если она там меня и встретит? Не, я все понимаю, но когда такое дело...

Пал Палыч свистнул, и к воротам сбежались собаки.

– Вот тебе конвой, бери кого хошь.

Сашок в компании Джека и Лорда скрылся из виду, а Пал Палыч шепнул:

– Пойдем помянем, что ли.

Иван Данилович никогда не пил на работе и делать исключений не собирался. Хотя после увиденного выпить ему хотелось чрезвычайно. Не каждый день наблюдаешь смерть так близко, особенно столь страшную.

– А на воротах тогда кто? Закрывать нельзя, пока Сашок там.

– Ну не хочешь, как хочешь. Наше дело – предложить.

Пал Палыч побрел в сторону бытовки, озираясь вокруг. Дождь кончился. В густой черноте над головой возникали прорехи. Иван Данилович подошел к открытой воротине и посмотрел на разбитую дорогу. Слева – ряды полузаброшенных гаражей, пустырь и лента железной дороги, справа – склады, еще склады, замороженные стройки. Их база располагалась в промзоне неподалеку от метро «Нагорная», можно сказать, на отшибе. И что-то вроде свалки рядом имелось. Значит, мasons виноваты?..

Иван Данилович устало приземлился на лавочку и только теперь, в свете лампы под козырьком сторожки, увидел, что покрыт бурыми пятнами. Он дернулся, вспрыгнул, будто оторвался от раскаленной сковороды, и скинул плащ. Сердце ухало, давило на ребра. Пальцы дрожали, между ними подсыхала кровь. Иван Данилович стал тереть ее, скрести ногтями, выцарапывать из морщин. Он всхлипнул, во рту сделалось горько. Медленно-медленно, ворочая внутренности, подкатывала горячая тошнота.

– В-вылезло... Что... – захлебываясь воздухом, шептал Иван Данилович. Он упал на колени и опустил руки в лужу. По щекам катились слезы, рядом, виляя хвостами, кружили собаки. – Откуд-да... В-вылезло...

Он поднял голову к деревьям. Ветер перебирал ветки, шумела листва.

– Где? Где?!

Вернулся Сашок и, подхватив Ивана Даниловича под мышки, усадил на лавку. Спустя двадцать минут они пили чай за столом в бытовке и слушали сбивчивый рассказ о ветках. Ближайшая машина ожидалась через два часа, а рабочие – через час, так что о дежурстве у ворот временно позабыли. Иван Данилович привел себя в порядок в туалете и все-таки отхлебнул коньяку. К его удивлению, безумная история не вызвала смеха и подколов. Ровно наоборот.

– На той неделе перед сдачей смены убирался у котельной, – заговорил Сашок. – Гляжу, короче, у контейнеров хрень какая-то валяется. Типа как прутья из метлы вытащили и пучком бросили. Ну я струей из шланга грязь по площадке гоняю, листья, туда-сюда, оборачиваюсь, а хрени уже нету. Сдригнула, ептыть. А потом в углу нахожу разорванного вдрызг кошака. Свеженького. Вот и думайте.

Пал Палыч тоже видел ветки. Еще месяц назад.

– Когда крыс травил во втором ангаре. Разбросал эту дрянь по углам, а потом смотрю: крыса, жирная такая, прям на меня пялится с ящичков. Сидит и натурально пялится! Вот, думаю, совсем оборзели, и тут крыса эта напололам раскрывается, а из-под нее ветки во все стороны. И шмыг-шмыг по стене в дыру на потолке, помнишь, Данилыч, где в прошлом годе ласточкины гнезда разоряли? Вот там. Не то насекомое на полметра, не то растение живое, поди ты разбери, етиху мать.

Пал Палыч плеснул коньяку в крышку от термоса, жестом предложил коллегам и, когда те отказались, махнул одним глотком.

– Я потому и бухать тут начал! Когда знаешь, что где-то по территории ползает такая кракозябра, свихнуться можно. Причем я-то думал, что она по мелким гадам специалист. А тут – собаку задрала!

Иван Данилович был в полнейшей растерянности. Ветки никак не укладывались в его видение мира, сформированное годами, людьми и правилами. Их просто не могло существовать в его системе координат. Обычно Иван Данилович нехотя впускал в свою жизнь что-то новое, а тут новое влезло само. Грубо, через боль, сквозь смерть.

– Так. Если пойдем к начальству, в лучшем случае засмеют, – рассуждал он вслух. – В худшем, что скорее всего, спишут на пенсию. Этим только повод дай. Выходит, работу менять?

Пал Палыч хмыкнул.

– Нужны мы кому-то с тобой в таком возрасте.

– А вы чего, – сказал Сашок, – реально думаете, что эта хрень может и человека зава-
лить?

Вспомнив, как ветки секунд за пять разорвали взрослую собаку, Иван Данилович кив-
нул. С котом и крысой было то же самое, и ведь они, в отличие от Альмы, вряд ли представ-
ляли угрозу. Эта жестокость казалась бессмысленной, неправильной. Ветки не ели – они
убивали ради убийства.

Сменщикам сказали, что Альма убежала. Сашок ляпнул что-то про ветки, хотел про-
верить реакцию, но ребята виду не подали. Может, и не встречались они с этой напастью.

После смены Пал Палыч с Сашком потопали через железнодорожные пути в сторону
Варшавского шоссе и автобусных остановок, а Иван Данилович поплелся по Электролит-
ному проезду к «Нагорной». Он вернулся в привычный мир, в персональную зону комфорта,
где все расписано по минутам и разложено по полочкам. Раннее утро, люди спешат на работу,
а он идет домой. Знакомые лица, знакомые машины, знакомые запахи: газовая заправка, све-
жая выпечка у метро, духи толстухи-собачницы... Чувство неправильности кольнуло вновь,
и Иван Данилович замер. Толстуха-собачница уже вторую неделю ходила без свиты. Обычно
дворняги поджидали ее у выхода из метро и провожали до проходной офисно-складского
здания, а женщина угощала их заранее приготовленными гостинцами. Если Иван Данилович
встречал собачницу на полпути к метро, то переходил на противоположную сторону дороги,
чтобы не пробираться через ее плешивое войско. Но в последнее время собак не было. Ни
у подземки, ни в переходе у обогревателей, да и, похоже, нигде в районе. Сейчас толстуха
шагала навстречу и что-то оживленно рассказывала такой же пышной брюнетке:

– ...эти догхантеры, кто еще. Потравили, поубивали. Без ошейников, чтоб ты пони-
мала, собачки бегали – вот и все, сразу виноваты...

Иван Данилович спустился в переход и купил свежий номер «Советского спорта». Он
жил неподалеку, поэтому всегда ходил пешком. По пути заглянул в магазин, где взял блин-
чиков со сгущенкой, сока и два киндер-сюрприза. Сегодня к Ивану Даниловичу приезжал
любимый внук.

Пяти часов сна хватало Ивану Даниловичу с запасом. В тринадцать ноль-ноль, одно-
временно с будильником, он проснулся бодрым и отдохнувшим. Ночной кошмар и последу-
ющая истерика казались какой-то нелепостью, даже теоретически невозможной в его раз-
меренной жизни. Он принял душ, приготовил бутерброды с сыром и докторской колбасой,
заварил чаю. Футбольная трансляция была намечена на половину второго. Обычно Иван
Данилович смотрел игры ЦСКА, с пивом, селедочкой и чесночными сухариками, но только
не в день няньки. За шустрым Олежкой нужен был глаз да глаз – разумеется, трезвый. И эти
полные смеха и открытий часы наедине с внуком не способно было заменить никакое дерби.

ЦСКА проиграл 0: 3. Иван Данилович снял с плеч шарф «армейцев», вздохнул и
выключил телевизор, на экране которого довольные спартаковцы поздравляли друг друга.

– Куплено все. Сдали матч, паршивцы.

Следующие полчаса Иван Данилович превращал смертельно опасную квартиру в худо-
бедно пригодное для ребенка место. Проверял резиновые нашлепки на углах столов и тум-
бочек, запирал ящики, заново связывал ручки по обе стороны дверей, чтобы они, двери,
полностью не закрывались и Олежка ничего себе не прищемил. После футбола расположе-
ние духа было прескверным, а тут еще в окно застучал дождь. Значит, на горку сходить не
получится.

Иван Данилович пожарил первую партию блинчиков и достал сок из холодильника.
Расставил Олежкиных динозавров на столе, снял с верхней полки книжного шкафа сказки.
Но внука не привезли ни в четыре, как обещали, ни в пять.

Дождь усиливался. Квартира Ивана Даниловича располагалась на первом этаже, и росшая под окнами береза при сильном ветре скребла стекло. Скребла ветками, точно паучьими лапами.

Иван Данилович смотрел во двор и слушал шум капель, что плясали на карнизе. Под лавкой у подъезда жались друг к другу кошки. Они выглядели довольными.

Ветки. Могли ли они стать причиной исчезновения собак? Иван Данилович слышал о догхантерах, но никогда их не видел, потому не очень-то и представлял, как те работают. А вот ветки он видел.

Олежка не приехал и в шесть. Иван Данилович со стационарного телефона позвонил себе на мобильный – все работало. Звонить первым и теребить кого-то он не любил, считал, что навязывается, да и не интересно никому слушать стариковское ворчание. Иван Данилович покрутил в руках телефон и вновь подошел к окну. Зятек был парнем необязательным, всегда опаздывал, мог даже из кровати сонным голосом соврать, что уже подъезжает. Такой вот человек, ничего не попишешь. Говорят, женщины подсознательно выбирают мужчин, похожих на своих отцов. Иринка отчего-то выбрала полную противоположность Ивана Даниловича.

Ветер подул в сторону дома, и в окно уперлись ветки. Нужно спилить, подумалось Ивану Даниловичу. Они же не должны так близко к дому расти. Раньше эта неправильность его не раздражала, Иван Данилович даже подумывал примостить там кормушку для птиц. Выглянешь за окно, а на расстоянии вытянутой руки – жизнь, синички чирикают, семечки клюют. Но после ночной смены многое поменялось.

Телефон запиликал стандартной мелодией, но звонила не дочка, а один из сменщиков. Он как раз сегодня в ночь заступал, а тут вдруг попросил подойти. Иван Данилович сослался на то, что обещал посидеть с внуком, но сменщик, тоже, кстати, Олежка, не отстал. Дело касалось гаражей – начальство наконец-то дало команду на снос, поэтому нужно было что-то решать. Желательно поскорее. Иван Данилович сказал, что посмотрит по обстоятельствам, и повесил трубку.

Свет включать не хотелось. В квартире совсем потемнело, динозавры на столе перестали отбрасывать тени. Иван Данилович посмотрел на часы, секундная стрелка которых разгоняла тишину. Все правильно, раз звонил Олег, значит, он уже на базе. Начало восьмого. Иван Данилович собрал динозавров в коробку и спрятал в ящике. Снял с турника в коридоре самодельные качели, и тогда зазвонил телефон.

– Пап! Ну прости, прости, пожалуйста! Совсем из головы вылетело, хотела же позвонить!

– Да ничего, Ирин, все нормально. Как вы?

– Нас тут в гости просто пригласили, за город. Большой компанией поехали, с детьми, на трех машинах. Тут мужики стали футбол обсуждать, я сразу вспомнила, что не предупредила, блин.

– Все нормально. Жаль, конечно, но чего уж теперь.

– Как твои-то сыграли?

– Никак, дочка. Никак.

– Ну ладно, пап, я тогда тебе потом на неделе позвоню еще. А то тут шумят, сам слышишь. Пока, целую! От Олежки привет!

Дождь закончился, ветер стих, но ветки по-прежнему царапали окно.

Иван Данилович осмотрел дерево, двор. Все как обычно. Он плотно закрыл форточку, задвинул шторы, но звук не исчез. Скреб-скреб-скреб.

Он накинул плащ, надел кепку и вышел из дома. Влажные улицы блестели в огнях фонарей, грузовики, точно поливальные машины, рассыпали брызги по тротуарам. У метро

играла музыка, слышались пьяные смешки, гремела ругань на ближнезарубежном наречии. В девять часов вечера в Москве все только начиналось.

Иван Данилович шагал по Электролитному проезду в сторону железной дороги и приглядывался к кронам тополей, стараясь обходить их по дуге. Ветки могли забраться куда угодно, а деревья вдоль тротуара – отличное прикрытие. По левую руку за забором высился скелет недостроя, брошенный года полтора назад. Справа, за двумя стальными листами с табличкой «Территория охраняется собаками», ржавыми балками топорщился другой объект-призрак. Первый ярус давно накрыло кустами, стальные кости оплели растения. Природа пожирала промзону, перерабатывала все ненужное, и прямо сейчас Иван Данилович чувствовал себя таким же ненужным.

Возле гаражей Ивана Даниловича встречал Олег. Давно ходили разговоры, что все постройки в низине у путей будут сносить. У городского начальства были свои виды на эту территорию. А если процесс пошел, значит, через годик-другой не станет и складской базы.

– Короче, расклад такой, – говорил Олег. – Гаражей тут шестнадцать штук, как раз на четыре смены поровну. Отдельных людей для этой работы нанимать не будут, денег-то жалко. Вот, стало быть, весь хлам из них выгребать нам. Дневники прямо во время смены свою часть могут раскидать, а нам либо уже после на два-три часа задерживаться, либо кто как может. Не впотьмах же тут ползать с фонариком. Спешки нет, главное – до зимы управиться. С владельцами, где такие были, вопросы улажены.

Здесьние гаражи были обычными контейнерами, чуть приличней гаражей-ракушек. Гробами из металлолома с таким же металлоломом внутри. Большая часть не использовалась уже много лет.

– А поздоровее найти они никого не могли? Вон ребята со складов за пару дней бы тут и управились.

– Господь с тобой, Иван Данилыч. Они же делом занимаются, деньги для фирмы добывают денно и ночно. Это мы, нахлебники, чай гоняем и дрыхнем на посту.

– И то верно.

– Короче, когда вычистим все, свалку забьем, техника придет гаражи эти забирать. Ломать вроде как не планируют. Покрасят, да и поставят еще где-нибудь. Хотя это уже не наше дело.

– Вопрос-то в чем?

– А вопрос в том, как их по сменам распределить. Там ведь где пусто, где густо, а платят за каждый одинаково – аж штуку на всех. Мы с мужиками уже взяли первые четыре от ворот, они полупустые. Тут уж извиняй, повезло, что приказ пришел под нашу смену. А вот из остальных – выбирай любые. Кое-где среди хлама можно и полезного чего для себя урвать, просто покопаться надо. Погляди, короче, и мне скажи. Я вроде как главным по этой части назначен. Даже ключи от запертых выдали. – Олег протянул Ивану Даниловичу связку: – Иди ознакомься. Тебе как местному преференции, ну и ночная смена за ночную горой. А то завтра с утра набегут дневники, не до выборов будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.